СОЛОВЬИ

NIGHTINGALES

Михаил Дудин

СОЛОВЬИ

*

Избранные стихотворения

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА

Mikhail Dudin
NIGHTINGALES

*

Selected Poems

PROGRESS PUBLISHERS
MOSCOW

Translated from the Russian by *Walter May*
Designed by *Margarita Lokhmanova*

М. ДУДИН

СОЛОВЬИ

На английском языке

Избранные стихотворения
на английском языке
с параллельными русскими текстами

Д $\frac{70402-497}{014(01)-81}$ 127-81

4702010200

CONTENTS

MY MOTHER'S CRADLE SONG

All in the world is milled away–
And love alone remains[1]

So sang my mother over the cradle of my youngest sister. She sang, rocking with her foot the cradle which hung from the ceiling beam, and the swaying of mother's back, and the swinging cradle, underlined the rhythm of that song. Mother had some kind of sewing in her hands, and through the window, patterned with hoar-frost designs, was seen the white gleam of the winter, and the song joined together the frosty whirling blizzard outside the window-pane, and mother, and my little sister in her cradle, the squeaking of the treadle, and the flashing of mother's busy fingers, and her hair like a wheat-sheaf, and her face illuminated by two blue eyes, like cornflowers on the field-boundary. And all that was a wonder, casting a spell over the warm lived-in comfort of the hut, and the wilderness of the white world outside–frightening in its bleakness and bareness.

When it was that I first heard this song I don't know, and can't remember. Probably I was born with it, along with the quiet permeation of mother's voice, bringing together the world into one festival of life.

Mother did not know who wrote that song. She did not even think about it. She was unable to read. She could only sensitively accept what she heard, and adopt it into her own life, with the worries and cares of a mother's heart.

But that song was Poetry. Her first blessing, her first spell, which was to last my whole life through. And to that blessing and that spell were added and added, like pages, all that happened to me, and all that remained with me under the blue sky on this green earth.

But every story must evidently have its proper order. And so, let us begin at the beginning.

I was born on November 20, 1916, in the very centre, as may be, of Russia, in the Ivanovo region, in the tiny village of Klevnevo, consisting of only six huts, scattered on the hilly shores of the little river Molokhta, as noisy and swift as a swallow. My family was half peasant, half working-class, because most of those who lived in our district in the country, after their peasant summer work, after gathering in the harvest, as mean as the soil itself, went to work in the winter to earn their living in the textile factories. My mother was a weaver before she married, like the majority of girls of her own age, and my father had the rare profession of calico-printer, and printed chintz in twelve colours.

There, on that soil, is the point from which I count my days, the beginning of my ties with my native Russia, and with her history and her song.

Our family, the Dudins, has very ancient roots in the Russian people's mighty tree of life. It was a family of bards, wandering actors and poets. They were energetic and staunch, independent-minded, and able to stand up for one another and for themselves. An order by Ivan the Terrible has come down to our day. I myself have read the words signed with that fearful name: "Destroy the tribe of Dudins."

But that tribe survived, in spite of the ruthlessness of the Tsar's commands. It came through, was preserved, and in a certain measure there was handed on to me the feeling of opposition to fate, the feeling of an indestructible love of life, and the absolute necessity of song...

This land is my motherland, the land of my forbears, and of my ties with my ancient Mother Earth, with the grass and clouds, with mankind, and with the Milky Way, reflected in the Pacific Ocean and in one drop of morning dew.

Here, on this soil, I learned the resilience of the reins guiding my mare, Blackie, and through the plough-handles felt the yielding rustling of the loam turned over by the share; here I learned the music of the scythe,

swishing through the meadow grasses, and the piercing cry of the flying corn-crake; here I felt the sticky pain of the first callouses upon my palms, and first knew the sweet taste of fresh-baked bread from the first threshing.

Here I shed my first tears of misfortune, and swore my first oath of fidelity; here I read my first word – that wonderful animation of linked-together signs.

Later came the poetry of the Russian tongue, as bountiful as a rain-storm. Pushkin came, and Tyutchev and Gogol, Lermontov and Nikitin, and through Zhukovsky the translated poetry of almost the whole world. The world piped on its flute, and beat on its kettle-drums, and the multi-coloured wind of perception almost blinded one's eyes, and tousled one's hair...

To Russia, comrade, let us give
*Our spirits whole and undivided!**

That open challenge of Pushkin's to action, sparkling from a past day, united with today's hope:

The earth shall rise on new foundations,
*We have been naught, we shall be all.**

I do not know where and when my spiritual powers actually merged into the music of the times, and the tremendous events rolling on, carried me on their crest, and one mere drop felt the whole ocean's strength, and understood its own necessity to that ocean...

But we must return again, and speak in the proper order.

I was finishing the village school when my mother died, and the cross on her grave marked the end of my childhood, and concern for my daily bread became my premature care, and the making of my future became my own personal responsibility.

It is true that on my difficult and winding way in those days I found many fine people, and many excellent books, and both the people and the books helped

* Translated by Irina Zheleznova – *Ed*

me to fill my life with sense and meaning. The conviction that there is not, and cannot be, such a thing as alien sorrow arose in my soul of itself very early, as a protection against isolation.

I studied in an agricultural college, but I hadn't the makings of an agronomist; I also completed a course at the Ivanovo textile school, but neither had I the makings of an assistant master-weaver.

Then I tried to write verses, but I had enough practical common-sense to understand that poetry is a fate, not a profession.

Later, not having quite finished the regimental school for young officers, I got caught up in the war with the White Finns, in that terrible cross-roads of hellish cold, and deadly flame of 1939-1940, and there, in that war, and as salvation from it, poetry came to me, and became my fate. It came as my most extreme need, as new sight, as my one and only help in life.

During the Great Patriotic War, I served from the first day to the last, until the order came to evacuate, on the Gangut (Khanko) Peninsula, in that garrison which, standing 450 kilometres to the west of blockaded Leningrad, did not yield to the fascists, but seized nineteen islands from them... There I learned to live up to the highest measure of human trust, and there everyone was ready at any moment to die for the others.

Later I myself fought in blockaded Leningrad. 900 days and nights at the extreme limit of possibility.

One day in January, 1942, in Leningrad, somewhere in Pestel Street, I picked up from the snow a little girl of three or four, with no coat, and bare-headed. I opened my sheepskin jacket, hugged her to my breast to warm her, and asked:

"Where is your mama?"

"At home," she answered.

"But where is your home?"

"It was burnt down," she replied, scarcely moving her lips, and I carried her off to hospital.

I saw during our advance in the winter of 1944, the corpse of a woman, with her pregnant belly exposed, in which a broad German bayonet was plunged up to the hilt, and near the woman's feet, thrown head-first into a snowdrift with his arms doubled up, lay a murdered German.

Hatred breeds only hatred, and blood demands only blood in revenge.

But I also saw how the wild strawberries grew on a mine-field, and a wag-tail sat brooding in her nest above an artillery embrasure.

And I understood one great piece of wisdom. that one must live not to spite one's enemies, but to delight one's friends.

And it was poetry who helped me to find and understand that piece of wisdom.

The wonder of life must be preserved, not sparing one's own life in so doing. Life is worth such a sacrifice.

And with all my experience of life, with all the wounds and bruises my soul has suffered, I say to the coming day, I say to all who can listen, and with my own soul set on that same road:

> *Tired with all these, from these I would be gon*
> *Save that, to die, I leave my love alone.*

The closing words of Shakespeare's 66th sonnet mingle with the words of my mother's song:

> *All in the world is milled away–*
> *And love alone remains.*

MIKHAIL DUDIN

December 1979
Leningrad

ЗАКЛИНАНИЕ С ПОЛЮСА

Берегите Землю!
Берегите
Жаворонка в голубом зените,
Бабочку на листьях повилики,
На тропинке солнечные блики,
На камнях играющего краба,
На могиле тень от баобаба,
Ястреба, парящего над полем,
Полумесяц над речным покоем,
Ласточку, мелькающую в жите.
Берегите Землю!

Берегите
Чудо песен
Городов и весей,
Мрак глубин и волю поднебесий,
Старости последнюю отраду,
Женщину, бегущую к детсаду,
Нежности беспомощное пенье
И любви железное терпенье.
Берегите молодые всходы
На зеленом празднике природы,
Небо в звездах, океан и сушу
И в бессмертье верящую душу, –
Всех судеб связующие нити.
Берегите Землю!

Берегите
Времени крутые повороты,
Радость вдохновенья и работы,
Древнего родства живые свойства,
Дерево надежд и беспокойства,

CALL FROM THE POLE

Preserve the Earth for man!
Preserve upon it
The skylark underneath the sky's blue bonnet,
The butterfly fluttering on the climbing bindweed,
The forest path with mottled sunshine blinded,
The crab around the rock-pool playfully crawling,
The baobab's shade upon the gravestone falling,
The hawk above the field on wide wings riding,
The half-moon o'er the water's quiet gliding,
The swallow in the ripening wheatfield gleaming.
Preserve this Earth!

Preserve, as life beseeming,
The wondrous song
Of the village, the city's thunder,
The high free sky, the depths of darkness under,
The last delight of age ere final parting,
The mother hastening to the kindergarten,
And tenderness, so helpless, gently singing,
The iron patience of true love outringing,
Preserve the young green shoots, the youthful creatur
Upon the vernal festival of nature,
The star-shot sky, the dry land and the ocean,
The soul for whom immortality's no mere notion–
Each single thread, all fates in one uniting.
Preserve the Earth for man!

Preserve the exciting
And quick-made changes of the seasons turning,
The joy of inspiration, and of working,
The living qualities of our predecessors,
The tree of hope, and restlessness' treasures,

Откровение земли и неба,
Сладость жизни, молока и хлеба.
Берегите доброту и жалость,
Чтоб она за слабого сражалась.
Берегите будущего ради
Это слово из моей тетради.

Все дарю!
И все от вас приемлю!
Только
Берегите
Эту
Землю!

1978

The quest on Earth, and cosmic exploration,
Sweet bread and milk, and life's sweet exaltation.
Preserve on Earth kind-heartedness and pity,
That they may fight for frail ones, as befitting.
Preserve for unborn future generations
These note-book words of mine, my meditations.

All I'll accept from you!
And all return you!
Only
Preserve this Earth
For man,
I urge you!

1978

СОЛОВЬИ

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова

Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел, да упрямо
Обветренные скулы сведены.

Трехсотпятидесятый день войны

Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для острастки били пулеметы...
Вот это место. Здесь он умирал –
Товарищ мой из пулеметной роты.

Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,

Смотрел на нас, и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.

Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал.

NIGHTINGALES

About the dead ones later we shall speak.
Death during war is common-place and hard.
But all the same it makes your breath come weak
When comrades perish. Not a sound is heard–

We do not speak. Not lifting up our eyes,
In the damp earth we dig the narrow pit.
The world is coarse and plain. Our hearts in us
Have burned away. Just ash is left. We knit
Our brows, our wind-chapped jaws firm-set once more.

Three hundred and fifty days we've been at war...

The dawn had still not trembled on a leaf,
When threateningly machine-guns sprayed the sod...
This is the spot. He faced here death's dark grief–
My comrade in the same machine-gun squad.

Quite useless then to ask the doctor's aid.
No hope till morning came of holding out.
Of any mortal help he had no need.
He lay there dying. Understanding that,

He looked on us, and waited for the end,
In silence somehow smiled–a weakly one.
First all the sun-tan from his features went,
Then, going grey and dark, they turned to stone.

Well, stand and wait. Freeze through. Like stone unstirred.
And bolt the latch at once on what you feel.
And then it was a nightingale we heard,
That timidly, tormenting, turned a trill.

Потом сильней, входя в горячий пыл,
Как будто настежь вырвавшись из пле
Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.

Мир раскрывался. Набухал росой,
Как будто бы еще едва означась,
Здесь рядом с нами возникал другой
В каком-то новом сочетанье качеств.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще минута. Задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день.
Она везде. Она непроходима.

Еще мгновенье. Перекосит рот
От сердце раздирающего крика, –
Но успокойся, посмотри: цветет,
Цветет на минном поле земляника.

Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще–второй, еще–четвертый, пятый.

Звенят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым громыхающим снарядом.

А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Then stronger, blazing up in ardent heat,
As if just torn from slavery and set free,
As if just everything it had forgot
In whistling subtle twists of melody.

The world unfurled. It swelled up with the dew.
As if with little meaning at this stage,
Here close beside, another world broke through,
In some strange combination of new traits.

Like time, along the trenches, trickled sand.
The roots reached down for water in the sap,
And lilies-of-the-valley stretched to stand
And glance into the shell-hole's blown-out gap.

One minute more. The lilac starts to sway
Its puffy sprays of violet-coloured haze,
Death came to disencourage dawning day.
Death's everywhere. Impassable it stays.

One moment more. His mouth distorts in pain –
A soul-escaping, lacerating cry...
But calm yourself, and look: they bloom again,
Wild strawberries bloom on minefields just nearby.

The woodland apple-tree puts forth its bloom.
The air is steeped in lilies and in mint...
The nightingale trills on. The answers come,
Still more – a third, a fourth, a fifth, no stint...

The martins scream. With song the redbreast swells,
And somewhere close, and somewhere near, quite near
The thundering, rumbling heavy artillery shells
Are battering down our watchful refuge here.

The world peals out, a hundred versts around,
As if there were no place for death at all.
Its orchestra of never-ceasing sound
Admits no limits to its living call.

Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем.
Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.

Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.

Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».

И сразу канул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны.

Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

И может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу. «Ребята, дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели соловьи».

И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Зубовский проезд.

Пусть даже так. Потом просохнут слезы,
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоем
У той поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.

All this wide wood, with every root and leaf,
Not feeling in itself one drop of grief,
With such a furious thirsting, past belief,
Spreads itself out to water, sun and life.

Yes, this is life. These are her living links,
Her reservoir, in bubbling depth and breadth.
And we forget a moment, no one thinks
About our comrade waiting here for death.

The reddening rays of his last dawn, as yet
Had scarcely touched the face of our dear friend.
He lay there dying. Understanding that,
He looked on us, and waited for the end.

Death is absurd. A fool. The moment adds
Absurdity when he, with arms a-splay,
Looks up and says: "Well, write to Polly, lads,
And say the nightingales sang here today!"

And then a pool of silence gathered o'er
The whole three hundred and fiftieth day of war.
His life half-lived, half-loved, his wine half-done,
His lesson but half-learned, his tale half-spun.

I stayed by him. In that same dug-out too,
Like he of Polly, there I dreamed of you.

And maybe in the sand, the washed-out clay,
Half-choking in my own blood's ebbing flow,
I too shall say: "Well, lads, let Rene know:
And say the nightingales sang here today."

A letter will go flying from this place
To Zubovsky Proyezd, to Moscow, race.

It may be so. Then tear-drops will grow dry,
And not with me, but with another seen,
Beneath the silver birch-tree standing by,
You'll gaze into the reservoir of green.

Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом.

1942

It may be so. Then children will be born
For exploits, and for songs, for lover's tales.
Let them be wakened early in the morn
By our tormenting native nightingales.

Let then the sun splash over them his flame,
Let then the clouds stretch out their flock-like streak
I honour death in life's own living name.
About the dead ones later we shall speak.

1942

* * *

С. Кара

У Кинешмы и Решмы —
Особая краса.
Ложится на орешник
Тяжелая роса
И песня долго-долго
Тревожит тот покой,
Плывет над самой Волгой,
Над медленной водой.
Она почти сквозная,
И я, ее любя,
За тыщу верст узнаю
И вспомню про тебя.
А здесь, у переправы,
У смертной полосы,
Обугленные травы
Чернеют от росы.
Пусть битвы будут долги...
По пеплу черных трав
Приду на берег Волги
Сквозь сорок переправ

1943

* * *

To S Kar

On Kineshma and Reshma
Lies beauty matched by few.
There all the hazel-bushes
Are drenched in heavy dew.
And the long, long song they're singing
Disturbs the tranquil air,
And floats low over the Volga
And her lingering waters there.
That beauty's almost translucent,
And loving it, as I do,
A thousand versts off I'd know it,
And so I remember you.
But here at the river crossing,
The death-zone I'm passing through,
The scorched and blasted grasses
Are showing black with dew.
The battles may be lengthy.
But through ash of the blackened blade
I shall come to the Volga's bankside
Through forty such crossings made.

1943

СНЕГ

Метель кружится, засыпая
Глубокий след на берегу,
В овраге девочка босая
Лежит на розовом снегу.

Поет густой, протяжный ветер
Над пеплом пройденных путей.
Скажи, зачем мне снятся дети, –
У нас с тобою нет детей?

Но на привале, отдыхая,
Я спать спокойно не могу:
Мне снится девочка босая
На окровавленном снегу.

1944

SNOW

Along the shore the snowflakes whirl,
And bury traces of the foe.
Deep in a ditch, a barefoot girl
Lies stretched upon the rosy snow.

A weighty wind continuous screams
Round trodden paths with ashes strewn.
Say, why do children fill my dreams –
Have we no children of our own?

At bivouac covered up I curl,
Untroubled rest I never know:
I dream about a barefoot girl
Stretched out upon the blood-stained snow.

1944

* * *

В какой-то миг мне стала ясной
Вся неизбежность этих встреч,
И воля в ярости напрасной
Нас не могла предостеречь.
Сад, хрупким золотом пронизан,
Горел последнею листвой.
Закаты плыли по карнизам
И умирали над Невой.
И звезды крупные смотрели
В разбег медлительной волны,
Как будто в мире в самом деле
Нет больше мира и войны.

1944

* * *

In one odd moment I saw truly
Our destined fate in meeting thus,
And our free-will, in useless fury,
Could not prevent nor caution us.
The garden, steeped in fragile gildings,
Burned slowly out with its last leaves.
And sunsets blazed on gabled buildings,
And died away on Neva's waves.
Their gaze great constellations rested
On flowing waters, lightly purled,
And war and peace, it seemed, existed
No longer, really, in this world.

1944

* * *

Какая нива встанет на местах,
Где вся земля в могилах и крестах,
Где солнце поднимается во мгле?
Но мы живем на зависть всей земле!
И дерзости в простых сердцах у нас
Огонь неистребимый не угас.

Хочу, чтоб мысль и кровь друзей моих
Вошли в суровый откровенный стих,
Чтоб он неправдою не оскорбил
Торжественную тишину могил,
Чтоб он вошел как равный в честный круг
Моих друзей.

1945

* * *

Vhat kind of meadow-land can find a place,
Vhere all the earth is crosses marking graves,
\nd where the sun on deathly dark looks forth?
3ut we still live, the envy of the earth!
\nd courage, with its indestructible fire
n simple human hearts did not expire.

 want the thoughts and blood of friends of mine
Γo enter my austere, free-spoken line,
Γhat it with untrue word should not offend
Γhe solemn silence where their gravestones stand,
Γhat it should rank as equal in that band
Of honest friends.

1945

* * *

Мне все здесь дорого и свято,
У черных Пулковских высот:
Могила русского солдата,
На желтом бруствере осот,
Мать-мачехой и повиликой
С боков обросший капонир –
Перевороченный и дикий,
Какой-то первозданный мир.
Кирпичная щербатая стена,
Моих друзей простые имена.

Мне хочется, чтоб девушки и дети
Пришли сюда на утреннем рассвете,
Чтоб день был светел, чтобы ветер тих,
Чтоб солнце золотилось на дороге.
...Забудь свои печали и тревоги,
Здесь мертвые спокойны за живых.

1945

* * *

For me all here is dear and sacred,
Upon these dark Pulkovo Heights:
The grave of a simple Russian soldier,
The thistles where the breastworks rise,
The burdock and the winding bindweed
Which round the neglected trench are curled,
All overgrown and running wild there –
Some kind of past and primitive world.
The rough brick wall, where the crevice wends,
The simple names of my dead friends.

I wish that lovely girls and children
Should come here at the dawn of day,
That winds were light, that skies were golden,
That sunshine gilded then their way.
... Forget your sorrows, and hearts that ache,
The dead are quiet for your sake.

1945

* * *

И Т.

В моей беспокойной и трудной судьбе
Останешься ты навсегда.
Меня поезда привозили к тебе,
И я полюбил поезда.

Петляли дороги, и ветер трубил
В разливе сигнальных огней.
Я милую землю навек полюбил
За то, что ты ходишь по ней.

Была ты со мной в непроглядном дыму,
Надежда моя и броня,
Я, может, себя полюбил потому,
Что ты полюбила меня.

1947

* * *

To I T

In my restless, unsettled and difficult fate
For ever with me you remain.
Many trains have brought me to where you wait,
And I quite fell in love with each train.

The lines looped along, and the loud wind above
In a flood of signal-lights blew.
And with our dear earth I am ever in love,
Because you are walking it too.

You were with me in darkest smoke, all through,
My armour, my hope to be,
And I fell in love with myself, maybe so,
Because you fell in love with me.

1947

Нынче осень, как поздняя слава,
Ненадежна и так хороша!
Светит солнце весеннего сплава,
За холмы уходить не спеша.

А по кромке озерной у леса
Зеленеют в воде камыши.
И под тенью густого навеса
Тишина и покой. Ни души.

У опушки сухого болота
Вырастает вторая трава.
Красота – и стрелять неохота –
Поднимаются тетерева.

Я нарочно оставил двустволку,
Чтоб не трогать внимательных птиц
А по лесу звенит без умолку
Комариная песня синиц.

В рыжей хвое лесные дороги
Листья падают, тихо шурша.
И душа забывает тревоги,
И обиды прощает душа.

Видно, лето не кончило повесть,
И запас у природы богат.
Бронзовея, прямые, как совесть,
Смотрят старые сосны в закат.

1955

* * *

Now autumn's like glory belated,
Unreliable, but so fine!
The sun shines with springtime ardour,
O'er the hills will but slowly decline.

By the edge of the lake in the forest
The reeds in the water show green.
'Neath the shade of the wood's heavy curtain
Peace and quiet. No soul to be seen.

In the clearing among the drained marshes
The second grass-crop's showing through.
Such beauty–I've no wish to spoil it–
Grouse are rising–I spare them too.

I've not brought my old double-barrelled,
Will not touch one attentive bird.
Through the thicket ringing unceasing
The blue-tit's fine gnat-song is heard.

On forest paths lies rusty brushwood.
The leaves, rustling softly, still fall.
One's soul forgets pain and troubles,
And pardons offenders all

Clearly, summer's not finished her story,
Rich resources nature still saves.
Growing bronzed, and erect as conscience,
Proud old pines on the sunset gaze.

Нет у меня пристрастия к покою.
Судьба моя своей идет тропой.
Зачем скрывать? Я ничего не скрою.
Душа моя чиста перед тобой.

Мир свеж, как снег, как снег на солнце, ярок,
Голубоватым инеем прошит.
Он для тебя и для меня подарок.
Бери его! Он, как и ты, спешит.

Встречай его работой или песней,
Всей теплотой душевного огня.
Чем дольше я живу, тем интересней,
Сложней и строже время для меня

Есть и своя у зрелости отрада,
Свои дела. Но не об этом речь.
В любое время для себя не надо
Запас души и жизнь свою беречь.

Нет, мы в гостях у жизни не случайны
И вымыслом и сказкой не бедны.
Земля кругла – на ней не скроешь тайны
Зима бела – и все следы видны.

1955

* * *

For rest I have no inclination.
My fate goes its appointed way.
Why hide the fact? I will hide nothing.
My soul stands clean for you today.

The world is fresh as snow in sunshine,
And bright, with azure hoar-frost sewn.
It is for you and me a present.
It hastes like you. Make it your own!

Meet it with work, or with a chorus,
With cordiality burning free.
The more I live, the more interesting,
Complex and stern is life for me.

Maturity brings its proper pleasures
And deeds. But not of that I speak.
At no time for yourself it's needful
Reserves of soul and life to keep.

No, we're not guests of life fortuitous,
Of fancies and tales we have no lack.
The world is round–you can't have secrets.
The winter's white–shows every track.

1955

* * *

Я воевал, и, знать, недаром
Война вошла в мои глаза.
Закат мне кажется пожаром,
Артподготовкою – гроза.

На взгорье спелая брусника
Горячей кровью налилась.
Поди попробуй улови-ка
И объясни мне эту связь.

Года идут, и дни мелькают,
Но до сих пор в пустой ночи
Меня с постели поднимают
Страды военной трубачи.

Походным маршем дышат ямбы,
Солдатским запахом дорог.
Я от сравнений этих сам бы
Освободился, если б мог.

И позабыл во имя мира,
Как мерз в подтаявшем снегу,
Как слушал голос командира,
Но что поделать, – не могу!

Подходят тучи, как пехота,
От моря серою волной.
И шпарит, как из пулемета,
по крыше дождик проливной.

1955

* * *

I went to war, so it's not amazing
That battle filled my eyes entire.
Now sunset seems a village blazing,
The thunder seems artillery fire.

Ripe bilberries on some elevation
Full of hot blood appear to be.
Go, try to find the explanation
Of such relationships for me.

The days flash by, the years keep going,
But even now in the night-hour dead,
The bustle of a bugle blowing
Will raise me quickly from my bed.

Iambics speak of feet in unison,
Of soldiers sweating on the road.
I'd free myself from such comparison
If I knew how to shed that load.

And I'd forget, now peace rewards us,
How I was frozen in the snow,
And how I heard commander's orders –
But there it is – I can't do so!

The cloud-banks are like storm-troops rising
In one grey wave from out the sea.
And rat-a-tat, like a machine-gun firing,
The rain beats on the roof for me.

1955

Ни прихотью, ни силой, ни тоскою,
Ни сказкою тебя не удивишь.
Над зимней застывающей рекою
Ты в тихом одиночестве стоишь.

Морозный день. Ни облака, ни тени;
Крупчатые слепящие снега
И розовое солнце, дым селений,
В ракитнике пушистом берега.

В дни бивуачной юности и ныне
Одной тобой по-прежнему живу.
Ты мне такою снилась на чужбине,
Такой ты мне предстала наяву.

Ты – вся моя. Дороже год от года.
Открытым взглядом для меня горишь.
Весеннею порою ледохода
Каким ты чудом землю одаришь!

Я вытерплю обиду и потерю,
До двери тропку проторю в снегу.
В беде и славе лишь тебе поверю.
Тебе одной – умру, но не солгу.

1956

* * *

Not with a whim, and not with strength, nor yearning,
And not with tales can one make you surprised.
Above the wintry water, which grows colder,
You stand in quiet solitude aside.

A frosty day. No cloud above, no shadows;
All round the powdery, brilliant-blinding snow,
The rosy sun, the blue smoke from the village,
And river banks where downy broom-twigs show.

In youthful bivouac days, as at the present,
Alone through you I live, as I lived then.
You came to me in dreams in foreign marches,
Just as you really are appeared again.

You are all mine. And year by year more precious,
For me you burn, with open gaze look forth.
In springtime, when the winter ice starts breaking,
With what a wonder you endow the earth!

I suffer losses, and endure offences.
I tread a track to your door through snowdrifts high.
In glory or distress, in you believing,
In you alone-may I perish if I lie!

1956

СТИХИ О НЕОБХОДИМОСТИ

На тихих клумбах Трептов-парка
Могил в торжественном покое
Давно горят светло и ярко
Пионы, астры и левкои.

И за судьбу земли спокоен,
Ее простор обозревая,
Стоит под солнцем русский воин,
Ребенка к сердцу прижимая.

Он родом из Орла иль Вятки,
А вся земля его тревожит.
Его в России ждут солдатки,
А он с поста сойти не может.

1958

VERSES ON INDISPENSABILITY

In Treptow Park's vast flower-bed
Lie solemn graves through silent hours.
On them their radiance long have shed
The peonies, asters, and gilly-flowers.

Sure of the fate of all these lands,
His eyes upon these plains at rest,
A sunlit Russian soldier stands,
Clasping an infant to his breast.

He comes from Vyatka, or Oryol,
But the whole world is his concern.
In Russia still war-widows call,
But from his post he can't return.

1958

Д. Хренкову

Я жизнь свою в деревне встретил,
Среди ее простых людей.
Но больше всех на белом свете
Любил мальчишкой лошадей.

Все дело в том, что в мире голом
Слепых страстей, обидных слез
Я не за мамкиным подолом,
А без семьи на свете рос.

Я не погиб в людской остуде,
Что зимней лютости лютей.
Меня в тепле согрели люди,
Добрей крестьянских лошадей.

Я им до гроба благодарен
Всей песней долгого пути
Я рос. Настало время, парень,
Солдатом в армию идти.

Как на коне рожденный вроде,
Крещен присягой боевой,
Я начал службу в конном взводе,
Связным в разведке полковой.

* * *

To D Khrenkov

In the countryside my life began,
With simple folk I found much joy.
But most of all in the wide world then
I loved their horses, as a boy.

The fact was, that in life which brings
Its blinding passions, and tears, and rue,
I clung to no mother's apron-strings,
But parentless in the world I grew.

I did not perish from human cold,
More bitter than bitter winter far.
Folk warmed me with their hearts of gold,
More gentle than even their horses are.

I give my thanks to them to the last,
With every song on my long, long way.
I grew. The time came, boyhood past,
To join the army, and serve my day.

As though on horseback I were born,
And christened with soldier's oath I went.
With the cavalry squad I first was sworn,
As liaison scout for the regiment.

И конь – огонь! Стоит – ни с места.
Или галопом – без удил.
Я Дульцинею, как невесту,
В полку на выводку водил.

Я отдавал ей хлеб и сахар,
Я был ей верного верней,
Сам командир стоял и ахал
И удивлялся перед ней.

Но трубы подняли тревогу,
Полночный обрывая сон.
На север, в дальнюю дорогу,
Ушел армейский эшелон.

А там, в сугробах цепенея,
Мороз скрипел, как паровоз.
И – что поделать! – Дульцинея
Ожеребилась в тот мороз

Заржала скорбно, тонко-тонко
Под грохот пушек и мортир.
И мне: «Не мучай жеребенка...» –
Сказал, не глядя, командир.

Я жеребенка свел за пойму
Через бревенчатый настил.
И прямо полную обойму,
Как в свою душу, запустил.

Стучали зубы костью о кость.
Была в испарине спина.
Был первый бой. Была жестокость.
Тупая ночь души. Война.

My mare was fire! She stood like a stone,
Or galloped not waiting rein nor spur.
My Dulcinea, like a bride full-blown,
I led to where the squad-quarters were.

I gave her bits of sugar and bread,
To her the truest friend of the true.
The commander stood and shook his head,
Amazed at man and horse, we two.

But bugles blew the alarm aloud,
And broken sleep we had to face.
For the north, upon the long, long road
The army echelon left its base

And there, where snowdrifts smoked and blew,
And frost squeaked, like some steam machine,
My Dulcinea–what could one do–
Gave birth to a foal on that icy scene.

It whinnied sadly, faint as could be,
As the thunder of guns began to roll.
The commander said, without looking at me:
"No use, lad–don't torment the foal!"

Along the causeway, beyond the marsh,
On a log-wood road I led that foal,
And a whole clip at it discharged,
Each bullet piercing my own soul.

My back was sweating like a mule,
My teeth were chattering more and more.
It was my first fight. It was cruel.
The black night of the soul. The war.

Но в четкой памяти запали:
Мороз, заснеженный лесок
И жеребенок, что за палец
Тянул меня, как за сосок.

1959

Still my retentive memory grips
That frost, that snowy thicket there,
That foal, who sucked my finger-tips,
As if the nipples of the mare.

1959

* * *

Метет, метет, и нет конца метели.
Лебяжий пух летит наискосок.
Была жара. В истоме сосны млели,
И волны расшибались о песок.

Блестели камни. Отмель в белой пене
Бегущих волн. Спокойна и сильна,
Всей светлой страстью на твои колени
Накатывала царственно волна.

Ты ни о чем не думала. Ты пела
Все пело в мире – солнце и трава.
Той радостью, открытой до предела,
Моя душа, моя печаль жива.

Ты все взяла. И все, смеясь, расторгла.
И убежала, рассыпая смех.
Метет метель. И отзвуком восторга
Волна с песком замешивает снег.

1961

* * *

It blows and blows, and there's no end to the blizzard.
The swans-down flies aslant on every hand.
It had been hot. The languorous pines were fainting,
The waves were breaking on the sunny strand.

The stones were gleaming. White with foam the shallows
From rolling billows. Powerful and sedate,
Around your knees, with all its brilliant passion,
Majestically a breaker threw its weight.

You stood and thought of nothing. You were singing.
The sun and grass, the whole world sang at will.
With that great joy, wide open to the limit,
My soul, my sorrow too, are living still.

And you took all. And all you cancelled, smiling.
And off you ran, your laughter scattering low.
The blizzard blows. And like delight's faint echo,
The wave kneads with the sand the fallen snow.

1961

* * *

Т. Будановой

У меня не смертельная рана!
Я еще доползу до огня.
Улыбается мальчик с экрана,
Бесподобно играя меня.

Добреду, опираясь о стену,
До палатки с кровавым крестом.
Зал внимательно смотрит на сцену,
В жизнь мою на ходу холостом.

Жизнь моя мельтешит и мелькает
И у смерти висит на краю.
Удивляюсь, откуда он знает
Обожженную душу мою.

Я совсем отвергаю досаду
И клопиный ее непокой.
А своею игрою награду
За меня перехватит другой.

С голубого экрана без грима
Он сойдет через десять минут,
И девчонки в бездумье игриво,
Спотыкаясь, за ним побегут.

Он пройдет, на меня непохожий,
Улыбаясь загадочно мне:
Дескать, шире дорогу, прохожий,
Отойди и постой в стороне.

* * *

To T Budanova

No, the wound I've received is not deadly!
As far as that light I can crawl.
From the screen smiles the youngster already,
Who is capitally playing my role.

I can reach, if I lean on the fencing,
That tent with its bloody red cross.
And the audience gazes attentive
At my life as it stops at a loss.

My screen life there flickers and flashes,
And hangs on the border of death.
I'm amazed, just how does he catch it,
My fire-scarred soul's very breath?

I reject any jealous reaction
With its childish offence and unrest.
But my medal, for only his acting,
He wears borrowed upon his breast.

From the TV screen with no make-up
In ten minutes he will descend,
And the girls, in a playful shake-up,
Will run stumbling after him then.

He'll go by, looking not a bit like me,
And smiling obscurely will say:
"Clear the road, passer-by, step lively,
Stand aside there, out of my way!"

Что ж, толкайся, но только не шибко.
Торопись, но спешить погоди.
Где-то есть в моей жизни ошибка,
Не споткнись о нее впереди.

И не хмурь недовольного взгляда,
Непокорный вихор теребя.
Не играй меня, мальчик, не надо!
Я и сам доиграю себя.

1962

Well then haste, but not too fast, dear fellow.
Well then, push, but not too hard by chance.
In my life there is somewhere an error,
Don't stumble on it in advance.

And don't frown and look discontented,
And don't ruffle your hair, young friend.
And don't play my part, it's not wanted!
I'll play it myselff till the end.

1962

ПЕСНЯ ВЕЧНОМУ ОПТИМИЗМУ

Мне рая не оставили в наследство.
И я другим не обещаю рай.
Что хочешь делай:
Милуй иль карай –
Душа моя здесь расточала свет свой.

Здесь, на Земле,
Среди ее людей,
В любви, в войне,
Средь злобы и улыбок,
В сумятице открытий и ошибок,
В тревоге недоделанных затей

Здесь, на Земле,
Где солнце грудью в грудь,
Где на рассвете заморозки колки,
Где проходил запутанный,
Недолгий
Моей судьбы смертельно сладкий путь.

Мой рай,
Мой ад
Признаний и клевет.
Тоски и песни – вечность и минута,
Где должен неизвестно почему-то
Души моей померкнуть ясный свет.

Не я умру –
Вселенная умрет
В моих глазах у счастья на пороге,
Там, где моей проторенной дороге
Не суждено бежать наоборот.

SONG TO ETERNAL OPTIMISM

No paradise on earth did I inherit.
No promise of paradise do I hold forth.
Do what you wish:
You may forgive or punish –
My soul shed generous light upon the Earth.

Here on this Earth,
Among her many people,
In love, in war,
Among its smiles and spite,
In turmoil of mistakes and revelations,
In worrying over plans not finished quite.

Here on this Earth,
Where bold I breast the sunshine,
Where at the dawn the stinging frost I greet,
Where I went on my tortuous way
Be-muddled,
My fated road, so short, but deadly sweet.

My heaven,
My hell
Of Earth's acclaim and slander,
Of longing and songs – eternity and a flash,
Where for some unknown reason or the other
The clear light of my soul must die to ash.

Not I shall die –
The Universe will die then
Within my eyes, at happiness' door,
There, where my trodden, half-forgotten highway
Is destined not to run back to days of yore.

Не я умру –
Умрет живая связь,
Материи и мысли поединок,
Как свет звезды в хрустальных гранях льдинок
Мгновенно гаснет, вспышкою дробясь.

И мысль моя расстанется со мной.
Уйдет туда,
Где я бывал когда-то,
Где облака раздумьями Сократа
Проходят по округлости земной.

И мысль моя рассеется, как свет
Рассеивается по свету,
И упадет на новую планету,
Клейменная судьбой земных примет.
И вновь возникну я,
Уже другой, нетленный,
Огнем в иной, обетованной мгле.
И смертно затоскую по Земле,
Так, как сейчас тоскую по Вселенной

1963

Not I shall die –
Life's living ties will die then,
The duel of mind and matter, soul and flesh,
Like light from stars in ice's crystal facets
Will suddenly die away with a trembling flash.

And all my thoughts and I will then be parted,
And they will go
Where once I had my birth,
Where cloud-banks, like Socratic meditations,
Pass round the curving surface of the Earth.

My thoughts will then be scattered, like the
light-rays
Are scattered all around the Earth's domains,
And they will fall upon another planet
Branded with the fate of earthly signs.
And I again shall rise,
Already different,
Like fire undying, in some far gloom immersed
And for the Earth I shall be mortally yearning,
As now I'm yearning for the Universe.

1963

ПЕСНИ ЛЕБЯЖЬЕЙ КАНАВКЕ

* * *

Лебединые юности трубы
В невозвратном поют далеке.

Не криви пересохшие губы,
О былом не гадай по руке.
И от глаз напряжением воли
Отгони невеселую тень.

Бесшабашно на Марсовом поле
Голубая бушует сирень.
Бушевала сирень. Бушевала
Даже смерти самой вопреки.
И стучали по плитам канала,
Спотыкаясь, твои каблуки.

Перемешанный с дымкой рассвета,
Поднимался сиреневый чад.
Каблуки из блокадного лета
Не по плитам – по сердцу стучат.

Две орбиты схлестнулись, и круто
Развернулись ракеты в рассвет.
Стала вечностью эта минута,
Ей ни смерти, ни времени нет.

Отпылили далекие марши.
Белой ночи рассеялся дым
Я не стал ни моложе, ни старше.
Я остался все тем – молодым.

Я живу этим чудом рассвета.
И с восторгом в моей тишине

SONGS TO THE SWAN CANAL*

* * *

In the irrevocable distance
Youth's swan-trumpets sing out a blast.

O long-parched lips, don't dissemble,
By my palm don't tell of the past.
From your eyes by an effort of will-power
Drive away that miserable shade.

On the Field of Mars**, the reckless
Sky-blue lilac is on parade.
The lilac was rampant. Rampant
In spite, yes, of death as well.
And your heels, tap-tap, went stumbling
On the flagstones beside the canal.

And mixed with the hazy dawning,
The dense fumes of lilac arose
The heels of blockaded summer
Tap-tap on my heart, not the stones.

Two orbits clashed, and steeply
At dawn bursting rockets climb.
That minute became eternity.
It knows neither death nor time.

Distant marches away went floating.
White-night*** mist no longer hung.
I've become no younger, no older.
I've remained as I was–just young.

I live by that dawning wonder.
With delight, in my tranquillity,

* A canal in Leningrad – *Tr.*
** The name of a well-known square in Leningrad.– *Tr.*
*** The "white nights" in June in Leningrad, when the sky does not grow dark.– *Tr.*

Из того невозвратного лета
Откликаются лебеди мне.

* * *

Я не был обнесен у жизни на пиру
Ни чашей мести и ни чашей чести.
Ты кончишься со мной иль я с тобой умру-
Не все ль равно: мы были в мире вместе

Был белой ночи зыбкий облик тих.
Был только миг. И в этот миг мгновенный,
В миг озаренья, ради нас двоих
Часы остановились во вселенной.

Ты шла ко мне сквозь радость и печаль
И горизонтам не было предела.
И за тобой в неведомую даль
С твоей душой моя душа летела.

И там, где мрак среди вершин залег,
Я шел к тебе у пропасти над краем.
Любовь моя – живой души залог,
Я стал, как ты, во всем неиссякаем.

* * *

Ах, Лебяжья канавка! По бережку,
По траве-мураве на весу
Я, в пригоршнях укрытую, бережно
Память – птицу-синицу – несу.

Ах, Лебяжья канавка! Не наши ли
Соловьи ликовали в ночи?
То, что было со мною, – не спрашивай.
То, что будет со мною... молчи.

From that irrevocable summer
The canal swans respond to me.

* * *

I was not passed by in life's feast, it's true.
No cup of grief, no cup of honour either.
You'll die with me, or I will die with you
Is it not one - we lived in this world together.

The white night's chilly face was calm to view.
There came one moment. And in that minute minute,
In that irradiant moment, for us two
The stars stood still, the world, and clocks
within it.

You came to me through joy and grief alone,
There was no limit to the wide horizons.
And after you, into the great unknown
My soul went flying, with your soul for guidance

And there, where darkness on the high hills fell,
I came to you across the abyss infernal
My love - the guarantee of a living soul,
I became, like you, in all a spring eternal

* * *

Ah, dear Swan Canal! Down by your border
In the grasses suspended there,
In whole handfuls covered, so gently
Happy memory - the blue-bird - I bear.

Ah, dear Swan Canal! There in the darkness
Weren't the nightingales ours which rejoiced?
And what happened to me - do not question.
And what will be with me - don't give voice.

Ах, Лебяжья канавка! Под липами,
Над твоею над тонкой водой,
Мы пригубили счастья, да выпили,
Да запели душой молодой.

Ах, Лебяжья канавка! Из давности
Светлой страсти, кипевшей в бою,
Я несу тебе дань благодарности,
Ненасытную душу мою.

1964

Ah, dear Swan Canal! Under your lime-trees,
By your stream, by your waters not wide,
We supped happiness, yes, and drank deeply,
And our young souls sang out inside.

Ah, dear Swan Canal! Out of past history
Of pure passion, in battle roused whole,
I present you in gratitude tribute –
My thirsting, insatiate soul.

1964

ПЕСНЯ НЕЗНАКОМОЙ ДЕВОЧКЕ

О. Ф Берггольц

Я нес ее в госпиталь. Пела
Сирена в потемках отбой,
И зарево после обстрела
Горело над черной Невой.

Была она, словно пушинка,
Безвольна, легка и слаба.
Сползла на затылок косынка
С прозрачного детского лба.

И мука бесцветные губы
Смертельным огнем запекла.
Сквозь белые сжатые зубы
Багровая струйка текла.

И капала тонко и мелко
На кафель капелью огня.
В приемном покое сиделка
Взяла эту жизнь у меня.

И жизнь приоткрыла ресницы,
Сверкнула подобно лучу,
Сказала мне голосом птицы:
«А я умирать не хочу...»

И слабенький голос заполнил
Мое существо, как обвал.
Я памятью сердца запомнил
Лица воскового овал.

SONG TO AN UNKNOWN LITTLE GIRL

To Olga Bergholtz

I carried her off to the hospital.
In the dusk sirens sang the all-clear,
And the glow after heavy bombardment
Over black Neva's bank burned near.

She was light and as frail as a feather,
And listless, and limp, anyhow.
Her plait fell back on her shoulder
From her childish transparent brow.

Her colourless lips, with its torture
The death-dealing fire had scorched clean,
And through her white teeth clenched together
There trickled a dark crimson stream.

And it dripped in small drops, slowly falling
Like drops of fire, on the tile.
In reception-room quiet the sick-nurse
Took that life from my arms meanwhile.

And life flickered then through her lashes,
And gleamed like a spark in her eye,
As to me, like a bird, she twittered:
"But I do not want to die..."

Her fragile voice filled my whole being,
As though an avalanche took place.
On my heart there was stamped the memory
Of her waxen oval face.

Жизнь хлещет метелью. И с краю
Летят верстовые столбы.
И я никогда не узнаю
Блокадной девчонки судьбы.

Осталась в живых она, нет ли?
Не видно в тумане лица.
Дороги запутаны. Петли
На петли легли без конца.

Но дело не в этом, не в этом.
Я с новой заботой лечу.
И слышу откуда-то, где-то:
«А я умирать не хочу..»

И мне не уйти, не забыться,
Не сбросить тревоги кольцо.
Мне видится четко на лицах
Ее восковое лицо.

Как будто бы в дымке рассвета,
В неведомых мне округах,
Тревожная наша планета
Лежит у меня на руках.

И сердце пульсирует мелко,
Дрожит под моею рукой
Я сам ее врач, и сиделка,
И тихий приемный покой

И мне начинать перевязку,
Всю ночь в изголовье сидеть,
Рассказывать старую сказку,
С январской метелью седеть.

Глядеть на созвездья иные
Глазами земными в века
И слушать всю ночь позывные
Бессменного сердца. Пока,

Life lashed me along like a blizzard.
On its verge the striped mile-posts whirl.
Now I never shall know, most likely,
The fate of that Leningrad girl.

Did she die, or is she still living?
Her face I can't see in the mist.
All the roads are mixed up, and the zig-zags
One after another twist.

But not that, not just that is the matter.
With a new concern now I fly,
As I hear from somewhere or other:
"But I do not want to die. ."

And I can't escape, can't forget it,
Can't break the ring of alarm.
I see clearly on other faces
Her waxen face on my arm.

As if in the smoke of the dawning,
In surroundings to me unknown,
Our uneasy, troubled planet
Lay here in my arms with a moan.

And its heart is pulsating weakly,
And trembles beneath my hand.
As her doctor, her nurse-in-waiting,
Her reception room, quiet I stand

Her wounds I must start to rebandage,
And watch by her bed night and day,

And tell her the old fairy-stories,
And in January blizzards go grey.

I must gaze upon strange constellations,
Across ages, with earthly eye still,
And hear all night long the call-signs
Of eternity's heart. Until,

Пока она глаз не покажет,
И не улыбнется в тени,
И мне благодарно не скажет:
«Довольно. Иди отдохни».

1964

Until her closed eyes she reopens,
And smiles in the shade her request,
And finally gratefully murmurs:
"You have done enough. Go and rest!"

1964

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕМУ ЖАВОРОНКУ

Г Козловой

А мне Москва была мала
Мне неуютно было
Метель январская мела,
И всю Москву знобило.

Я шел куда глаза глядят
Я брел один без цели.
Переметал Охотный ряд
Холодный хвост метели.

О чем я думал? Ни о чем.
О всем, что мне известно
Плечо зимы с моим плечом
Соприкасалось тесно.

Наверно, все бывает вдруг,
И – вдруг, быстрее пули,
Твои глаза, как сам испуг,
В мои глаза взглянули

И все. Какой-то малый миг,
Секунда-две, не боле.
Но я в глазах увидел крик
Сочувствующей боли.

И сразу там, на глубине
Моих раздумий где-то,
Опять, как показалось мне,
Зазеленело лето.

SONG TO THE LAST SKYLARK

To G Kozlova

Moscow seemed rather cramped, it's true.
To me it was not pleasing
The January blizzard blew,
And Moscow was all freezing.

I roved where'er my glances slipped,
I roamed alone, at hazard.
Across the Hunter's Row* there swept
The cold tail of the blizzard.

Of what my thoughts? Of nought. Unknown.
Of all I knew, most likely.
The winter's shoulder and my own
Rubbed one another tightly.

All happens, probably, in a flash.
And – swifter than bullet chancing,
Your eyes, like fright, as white as ash,
Into my eyes were glancing.

That's all. Some moment slipping by,
A second or two, a fluttering.
But in those eyes I saw a cry
Of sympathetic suffering.

And there at once, deep in my stream
Of meditations growing,
Again, or so to me it seemed,
The summer grass was blowing.

* A Moscow street – *Tr.*

И жаворонок зазвенел,
Взлетев над клеверищем.
...Мы все в кругу обычных дел
Несбыточное ищем.

На нашей юности лежат
Напластованьем годы.
И нам от них не убежать,
Как от самой природы.

К нам нелегко ему лететь –
Все ощутимей козни.
Но продолжает где-то петь
Мой жаворонок поздний

1965

A skylark sang on soaring wings,
Over the clover-field mellow.
...We all in the ring of usual things
The unrealizable follow.

Upon our youth already lie
The strata of years lost later.
And from them we can never fly,
Any more than from our nature.

It's hard for the lark to fly to us—
More and more pitfalls fearing.
But somewhere still is singing thus
My skylark late appearing.

1965

НАШИ ПЕСНИ СПЕТЫ НА ВОЙНЕ

Седина отсчитывает даты,
И сквозит тревогою уют.
В одиночку старые солдаты
Песни позабытые поют.

Может, так, а может, к непогоде
Ноют раны у седых солдат
Песни тоже вроде бы не в моде,
Вроде устарели, говорят.

Может быть, и мы, и песни стары
Высохла кровавая роса
Новое под перебор гитары
Новые выводят голоса.

Легкие и свежие Обиде
Не копиться, не кипеть во мне.
Наши песни спеты в лучшем виде,
Наши песни спеты на войне.

Там, где переходы и завалы,
Рваная колючка на столбах,
Умирали наши запевалы
С недопетой песней на губах.

С недопетой песней умирали,
Улыбаясь солнцу и весне.
И ко мне из неоглядной дали
Песня выплывает в полусне

Песне что – звенеть на вольной воле,
До звезды вытягивая нить.

OUR SONGS SUNG IN WAR

Old grey heads count off the anniversaries,
Through the cosy calm the alarm-bells ring.
In their solitude old soldier-veterans
Long-forgotten war-songs start to sing.

Maybe by chance, or maybe before bad weather
Grey-haired soldiers' war-wounds ache today.
War-songs also are not much in fashion,
They've grown old as well, so people say.

Maybe we, like songs too, are outmoded.
Now the dew of blood had dried away.
New selections on guitars are sounding,
New the voices which strike up today.

Fresh, light-hearted voices. But resentment
Does not gather nor seethe in me therefore.
Our old songs were sung in the very best manner.
Our old songs were sung in times of war.

There, where we faced crossings and obstructions,
Where on posts hangs wire with sharp, barbed tips,
There, a-bleeding, lay our choir-leaders,
With an unfinished song upon their lips.

With an unfinished song they lay a-dying,
Smiling at the sunshine and the spring.
And today from boundless far horizons
Those old songs in dreams to me still wing

Songs are such – they ring out in their freedom,
To the stars their thread goes leading through.

Только мне какой-то смутной боли,
Что ни делай, не угомонить.

И не надо! Ты меня не трогай.
У Победы тоже боль своя.
А тебе своей идти дорогой
И с девчонкой слушать соловья.

Он поет. Вовсю поет в подлеске.
Ночь тиха. Вселенная глуха.
Над ручьем пушистые подвески
Осыпает старая ольха

Звезды затихают в хороводе.
Соловьи выводят соловьят.
Может, так, а может, к непогоде
Нынче ноют раны у солдат.

1965

But for me they bring a vague heart-aching.
Nothing calms it down, whate'er I do.

I don't need to, either. Do not touch me.
Victory also has its pain nought heals.
You just go along your chosen highway
With your girl-friend, listen to nightingales.

They are singing. Singing in the thicket.
Night is calm The universe is remote.
O'er the river one old alder's leaning,
Draping down its fluffy summer coat.

Stars fall silent in their dancing orbits
Nightingales hatch chicks in nests a-sway.
Maybe by chance, or maybe before bad weather
Grey-haired soldiers' war-wounds ache today

1965

ВДОГОНКУ УПЛЫВАЮЩЕЙ ПО НЕВЕ ЛЬДИНЕ

Был год сорок второй.
Меня шатало
От голода,
От горя,
От тоски.
Но шла весна –
Ей было горя мало
До этих бед.

Разбитый на куски,
Как рафинад сырой и ноздреватый,
Под голубой Литейного пролет,
Размеренно раскачивая латы,
Шел по Неве с Дороги жизни лед.

И где-то там,
Невы посередине,
Я увидал с Литейного моста
На медленно качающейся льдине
Отчетливо
Подобие креста.

А льдина подплывала,
За быками
Перед мостом замедлила разбег.
Крестообразно,
В стороны руками,
Был в эту льдину впаян человек.

Нет, не солдат, убитый под Дубровкой
На окаянном «Невском пятачке».

AFTER AN ICE-FLOE FLOATING DOWN THE NEVA

It was in forty-two.
And I was shaking
From hunger,
From great grief,
From anguish too.
But spring was coming –
She had little worries
About those woes.

All broken through and through,
Like lumps of melting sugar, damp and porous,
Beneath the Foundry Bridge's sky-blue span,
In regular rhythm rocking in its armour,
The ice from the Road of Life down the Neva ran*.

And somewhere there,
In the middle of the Neva,
From the Foundry Brudge I noticed, at a loss,
Upon the slowly rolling, rocking ice-floe,
Quite clearly marked,
The likeness of a cross.

The ice-floe floated up
Behind the pier-stones,
Before the bridge its pace it had to slow.
And cross-wise
With both arms a-spreading sideways,
A human being was welded to that floe.

No, not a soldier, killed around Dubrovka,
Upon that cursed "Neva 5-kopek piece",

* The ice-road across Lake Ladoga, over which lorries brought supplies of food and fuel for the blockaded and starving population of Leningrad.– *Tr.*

А мальчик,
По-мальчишески неловкий,
В ремесленном кургузом пиджачке.

Как он погиб на Ладоге,
Не знаю.
Был пулей сбит или замерз в метель

..По всем морям,
Подтаявшая с краю,
Плывет его хрустальная постель.

Плывет под блеском всех ночных созвездий,
Как в колыбели,
На седой волне.

...Я видел мир.
Я полземли изъездил,
И время душу раскрывало мне.

Смеялись дети в Лондоне.
Плясали
В Антафагасте школьники.

А он
Все плыл и плыл в неведомые дали,
Как тихий стон
Сквозь материнский сон.

Землетрясенья встряхивали суши.
Вулканы притормаживали пыл.
Ревели бомбы.
И немели души.
А он в хрустальной колыбели
плыл.

Моей душе покоя больше нету.
Всегда,
Везде,

But just a boy,
And boyishly still awkward,
In a factory jacket too tight, with shortish sleeves

How he died on Ladoga
I've no idea
Struck down by a bullet, or frozen in the snow

..Through all the seas,
And melting away at the edges,
There floats his icy crystal bed below

He floats beneath night's gleaming constellations
As if within a crib,
On waves of grey.

... I've seen the world,
O'er half the world I've travelled,
But time revealed its soul to me that day

The children laughed in London.
In Antafagasta
The scholars were dancing happily.
But he
Still floated and floated into the unknown
distance,
As a quiet moan
Through a mother's dreams breaks free.

By earthquakes all the firmament was shaken.
Volcanoes erupted dust and lava hot.
The bombs roared violent.

And our souls grew silent.
But he went floating on his crystal cot.

Within my soul there is no longer quiet.
Everywhere,
Always,

Во сне и наяву,
Пока я жив,
Я с ним плыву по свету,
Сквозь память человечества плыву.

1966

Awake, in dreams remote,
While I still live,
With him through the world I'm drifting,
Throughout the memory of mankind I float.

1966

РАЗГОВОР С НЕМЕЦКИМ ПИСАТЕЛЕМ

Сквозь прицел оптических винтовок
Мы с тобой знакомились в упор.
Без дипломатических уловок
Начинаем новый разговор.

Ты сейчас сидишь в моей квартире.
Греешься у ровного огня.
Пьешь вино
И говоришь о мире,
Больше не прицелишься в меня.

Восстановлен Ленинград
И Кёльна
Колокольни на ветру гудят.
И тебе и мне сегодня больно
За моих и за твоих ребят.

Ты солдат, и я солдат,
Не так ли?
Нам стареть,
А молодым расти.
...Вся Земля из просмоленной пакли –
Стоит только спичку поднести.

Нет, мы не витаем в эмпиреях,
С лика века отмывая грим.
Фарисеи спорят о евреях,
Мы о Достоевском говорим.

CONVERSATION WITH A GERMAN WRITER

Through the optical sights on sniping rifles
You and I got acquainted face to face.
With no diplomatic subterfuges
Now a new acquaintanceship takes place.

You are sitting in my flat at present,
Warm yourself before a steady fire,
Drink your wine,
And speak of peace and friendship,
Aim your rifle sights at me no more.

Leningrad's rebuilt.
And in Cologne now
Belfry bells cast on the wind their chime.
You and I are pained today, and anxious
For your youngsters there, and here for mine.

You and I are both old soldiers,
Aren't we?
We must age,
The young ones must grow up.
...All the world's a well-filled powder-barrel,
Waiting for the first match to be struck.

No, we do not hover in the empyrean,
But we wipe the mask from the century's brow.
Pharisees may debate the Jewish question,
We're discussing Dostoyevsky now.

О Добре и Зле
А мир угарен.
Над Европой мутно и серо.
Я тебе, пожалуй, благодарен
За твое солдатское перо,

Что во имя жизни человека
Ты для человечества донес,
Пусть хоть небольшую,
Правду века,
Только не на ближнего донос...

В кабаке портовом не без цели
Ночью надрывается тапер.
В Пушкина
Стреляют на дуэли.
Фучика
Подводят под топор.

Врут попы,
И договоры лживы.
Прошлое – грядущему родня.
Мир сейчас на переломе.
Живы
Гитлеры сегодняшнего дня.

Кто? Они? Нет, мы сегодня в силе
Отстоять спокойную зарю.
Сын Земли
И сын моей России,
Я с тобою, немец, говорю.

Мы солдаты.
Мы с тобой в ответе
За навоз Земли
И за Парнас.

Good and Evil.
But the world is choking.
Europe with murky sulphur fumes is filled.
And to you I am, I daresay, grateful
That a very soldierly pen you wield.

That which in the name of man's existence
You to all humanity extend,
Though it be but small,
The truth of the century,
Only not the betrayal of a nearest friend .

In the harbour tavern not for nothing
The pianola midnight silence racks.
They shoot Pushkin down
Again in duels.
Fučik
They lead off beneath the axe.

Priests are liars.
And treaties too are lying.
All the past to future days relates.
Now the world is at the fatal cross-roads.
Hitlers
Live today in many states.

They? No, we today still hold the power
To defend the peaceful dawn anew.
Son of this Earth,
And son of my dear Russia,
I am speaking, German friend, with you.

We are soldiers.
And we are responsible
For the filth of the Earth,
And Parnassus too.

Пусть на свете вырастают дети
Мужественней
И достойней нас.

1966

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

В последний раз во сне тревожном,
Перекосив от боли рот,
Я прокричу неосторожно
Свое последнее «вперед!».

И ты запомни: я не умер,
Я в бой ушел в последний раз.
В солдатском сердце замер зуммер,
И с миром связь оборвалась.

1966

FOR THE FINAL TIME

For the final time in slumber tortured,
Mouth twisted with the pain, I urge
And shout aloud again, incautious,
My final battle order "Charge!"

Remember: I did not die of violence,
To battle the final time I hurled.
In my soldier's heart the line went silent,
And I lost all contact with the world.

1966

ЖЕНЩИНЕ, ШЬЮЩЕЙ РАСПАШОНКУ

Ты – первое светлое чудо
На милой зеленой земле.
Позвякивает посуда,
Машинка строчит на столе.

По мягкому ворсу фланели
Ложится стежок на стежок,
Как верность единственной цели,
Которая жизнь бережет.

В движениях чутких степенна,
Ты делом простым занята
Да будет благословенна
Двойная твоя красота!

Загадку двойного единства
И сердце под сердцем неся,
В предчувствии материнства
Ты будущим светишься вся.

Мне надо и словом, и делом,
И собственной спорить судьбой,
Чтоб радуга в облаке белом
Стояла всегда над тобой.

1967

TO A WOMAN SEWING A BABY'S VEST

You're the first and brightest marvel
Upon this beloved green earth.
The crockery starts to rattle,
The machine on the table's at work.

Along the soft fluff of the flannel
You plant swift stitch after stitch,
Like faith in one goal, ever loyal,
Which guards life to the final ditch.

With movements of careful endeavour
A simple task you perform.
And may it be blessed for ever,
Your twofold beauty so warm!

With the riddle of two-in-oneness,
And bearing a heart 'neath your own,
Foreseeing maternity's wonders,
With the future you're all aglow.

By word and by deed I must struggle
With my fate to make certain now,
That a white cloud and rainbow aureole
Should always encircle your brow.

1967

ПОЧТИ ЗАКЛИНАНИЕ

О боже, как ты хороша!
Всем звездам настежь
Твои глаза, твоя душа,
Истома страсти.
И в светлой страсти, и в тоске,
В печали черной,
От гибели на волоске
Не будь покорной.

Твое достоинство и стать
Во мне поныне.
И красоте твоей блистать
В моем помине.
Как хочешь это назови,
Хоть блажью вздорной:
В самозабвенье и любви
Не будь покорной.

Пусть ничего в своей судьбе
Не наверстаю,
Но чистых песен вслед тебе
Пускаю стаю
Через сердца, через года
Кидаю зерна —
Не будь покорной. Никогда
Не будь покорна.

В тебе моя земная честь
И все, что снилось,
И правосудие, и месть,
И гнев, и милость.

ALMOST AN INVOCATION

My God, how good, how fine you are!
Your eyes, your spirit
Wide open to the last small star,
To passion's limit
In radiant love, in longing deep,
In black abysses,
When but a hair's-breadth from death's grip,
Be not submissive.

Your dignity and stately form
I still remember.
Your loveliness yet lingers warm,
A glowing ember.
Though you may name this whimsy stuff,
Mere words derisive:
In self-forgetfulness and love
Be not submissive.

Though all that fate has brought me through
Is past redeeming,
Still my pure songs in flocks to you
Go teeming, streaming
Down on each heart, down on each year,
My seeds incisive:
Be not submissive. Never fear.
Be not submissive.

In you my earthly honour lies,
And dreams I'm nursing,
And justice, and revenge likewise,
And wrath, and mercy.

Тебе поет моя строка
Тоской упорной:
Через века и на века
Будь непокорной!

1967

Of you sings true my poet's line
With yearning wishes:
Across the years, throughout all time,
Be unsubmissive!

1967

ХОЛОДНОЕ УТРО ЦХАЛТУБО

На пиниях иней, как маска на скулах врача.
И очерк горы. И за нею в бездонности синей
Плывут облака, на холодном ветру клокоча.
И пар над провалом. И иней не падает с пиний.

Согрей мое сердце и скорбные руки скорей.
Здесь колются звезды, и ночи безжалостно долги
Согрей их приветом, далеким дыханьем согрей
И сдунь, словно иней, со старого сердца иголки

Не сердце, а кактус растет, распускаясь в груди,
И давит на ребра, и гасит ночные светила.
Ты памятью в память скорее ко мне приходи,
Как в жизни и смерти спасеньем ко мне
приходила.

Я жду тебя, слышишь! За горной гряды перевал
Летит мое слово, а ветер холодный, нахрапист,
Его оборвал – и обвалом под камни в провал
Ни слова. Ни эха. Кончается ночи анапест.

COLD MORNING, TSKHALTUBO

On stone-pines lies hoar-frost, like muslin on some doctor's face.
Just an outline of hills. And beyond, in the blue's deep confines
The clouds go floating, upon the cold winds *torn to shreds.*
There is haze o'er the gap. And the hoar-frost falls not from the pines

O warm my poor heart and my suffering hands, and make haste
Here stars have a sting, and the night-hours are long, stark and dark.
O warm them with welcome, with breath from afar – warm them through,

And blow the sharp needles, like hoar-frost, *from this aging heart.*

No heart, but a cactus is growing, and spreads in my breast,
And presses my ribs, and be-dims every night-star's flame.
In memory, as a remembrance, come quickly to me,
As often in life and in death with salvation you came

I wait you, you hear me! Beyond the rock ridge of the pass
Goes flying my word, but with impudence bold the cold win
Has torn it, and cast it 'neath avalanched rocks in the gap.
No words And no echoes. Night's anapaest comes to an end.

Я жду тебя, слышишь! Гремит водопад, клокоча,
И тень от горы закрывает в тумане долину.
На пиниях иней, как маска на скулах врача.
Я выйду в ущелье. Я каменных гор не раздвину.

Я вслушаюсь в утро, как мальчик в плохие стихи,
Как в грубый подстрочник, который не ждет
перевода.

На пиниях – иней. В Цхалтубо поют петухи.
И запахом хлеба спокойная дышит природа.

1967

I wait you, you hear me! The waterfall roars, torn to shred
And shade from the mountains envelopes the
valley mist-filled
On stone-pines lies hoar-frost, like muslin
on some doctor's face.
I go forth, and into the gorge. I can't move
stony hills.

I listen to morning, intent, like a lad to bad verse,
As though to a coarse-worded crib, which none
will translate.
On the stone-pines lies hoar-frost. Tskhaltubo's
first cocks start to crow

Calm nature is breathing the fragrant aroma
of grain.

1967

ОЧЕНЬ ГРУСТНЫЕ СТИХИ

Любови Джегамоне

Мне вспоминать об этом горько,
Но я не вспомнить не могу:
Гнедая кобылица Зорька
Паслась на пушкинском лугу.

Вокруг нее такой же масти
Играл и путался у ног
Смешной, глазастый, голенастый,
С волнистой шерстью сосунок.

Она густой травы наелась,
Стряхнула гриву с головы.
Ей поваляться захотелось
В прохладной свежести травы.

Весь день она возила сено,
Звеня колечком под дугой.
Согнув точеное колено
Одной ноги, потом другой,

В истоме легкости и лени
Передзакатного тепла
Она склонилась на колени
И на бок медленно легла.

Заржала радостно и сыто,
Собой довольная вполне.
Над брюхом вскинула копыта
И закрутилась на спине.

VERY SAD VERSES

To Lyubov Dzhelalovna

The memory of it all is bitter,
But from my mind it will not pass:
What happened to the bay mare Zorka,
On Pushkin's meadow out to grass.

Nearby her, of the same bay colour,
All knobbly-kneed, large-eyed and droll,
On its long shanks there skipped and stumbled
A woolly-coated sucking foal.

The mare cropped lush and juicy grasses,
And shook her mane back from her head.
She wished to wallow in abandon
In the cool freshness of the mead.

All day the fragrant hay she carted,
On the harness-arch rang a little bell.
She bent her tapering hind-quarters,
One fore-leg rose, the other fell.

In light and languorous enjoyment
Of sunset warmth, at close of day,
She quietly sank upon her knee-caps,
Then on her side she slowly lay.

She neighed, well-fed, and feeling happy,
And with herself well-satisfied,
Then kicked her hooves above her belly,
Rolled on her back, from side to side

Откуда было знать кобыле,
Что на нескошенном лугу
Вчера здесь гости были. Пили.
И пели в дружеском кругу.

А кто-то с «мудрою» ухмылкой,
В хмельной беспечности удал,
Бутылки бил пустой бутылкой
И в воздух горлышки кидал.

...Дрожит кобыла стертой холкой,
Всей кожей с головы до ног.
И конюх ржавою карболкой
Ей заливает красный бок.

Стекает кровь из рваной раны
В мою горячую строку.
И ребра, как меридианы,
Сквозь кровь белеют на боку.

1967

And how was she to know, poor creature,
That where the unmown grass rose higher,
Some guests sat here, just yesterday evening,
And drank and sang in friendly choir.

But someone, with a "knowing" smirk then,
In tipsy boldness, not a care,
One bottle struck on an empty bottle,
And the jagged necks threw in the air.

...The mare, with lacerated withers
Quivered from head to foot 'neath her hide.
The groom, with rusty-coloured carbolic
Disinfected her blood-soaked side.

The blood through ragged wounds is weeping
In this impassioned line I write.
Her ribs, like on the globe meridians,
Through bleeding sides show gleaming white.

1967

КРАСИВОЕ УТРО

Мне приснилось, что ты погибала,
Но на помощь меня не звала.
За хребтом океанского вала
Грохотала беззвездная мгла.

Ураган, разгоняя воронку,
Захлестнул полуостров на треть
«Подожди! – закричал я вдогонку, –
Мы ведь вместе клялись умереть!»

И проснулся. И как бы украдкой
Оглянулся в тревожной тоске
Ты дышала спокойно и сладко
На моей занемевшей руке.

И доверчивость легкого тела,
Как волна, омывала коса
А за окнами пеночка пела,
И со стекол сходила роса.

1967

BEAUTIFUL MORNING

I dreamed you were almost drowning
And did not call me to save.
The starless darkness was howling
Beyond the white crest of the wave.

The whirlwind its vortex drove hither,
The peninsular slashed by a third.
"Wait–we swore we'd die together!"
I cried after you unheard.

And awoke. Like a thief, discreetly
Looked around in anxious alarm.
You were breathing so calmly and sweetly
On my numbed extended arm.

And your slender body's dependence
Your *plait like a wave washed through.*
The chiff-chaff sang morning's resplendence,
And from the panes dripped the dew.

1967

О ЧЁМ МНЕ ДУМАЛОСЬ ВО РЖИ

Как жарко пахнет рожь в июле,
Как дружно колосится рожь!
В тоске стрекоз, в шмелином гуле
Ты в наливную рожь идешь.

Идешь в зеленую траншею,
Где зноем дышит благодать,
Где колос к колосу – по шею
И горизонта не видать.

Качнулось облако гусыней.
Тропа замкнулась, как силок.
Тебе в глаза синеет синий,
Как откровенье, василек.

Зеленым усом колос колко
Прошелся по твоей щеке.
Перебежала перепелка
Через тропу невдалеке.

И над тобой стрижи, как пули,
Мелькнули через зыбкий зной.
Как жарко пахнет рожь в июле
Истомой зрелости земной!

Как светел мир! Как воздух сладок!
И ты его захлебом пьешь.
И нет обид И нет загадок.
Есть только зреющая рожь.

1967

WHAT I THOUGHT ABOUT IN THE RYE

How warm the rye smells in July,
How friendly ears put forth their yield!
As bees buzz by, and blue dragon-fly,
You wander through the ripening field,

Where paradise breathes its heated sigh,
You move as through a trench of green,
Where ear to ear the rye's breast-high
And the horizon can't be seen.

Like geese the clouds waft through the sky.
The path ends here–a trap for you.
And in the rye there meets the eye
A cornflower's revelation blue.

With prickly whiskers tall green ears
Caress your cheek as they brush by
A partridge not far off appears
Crossing the path into the rye.

Above you darting martins fly,
Like bullets, through the quivering heat.
How warm the rye smells in July,
With earthly ripeness round your feet!

How bright the world! How sweet the air!
You gulp it down, drink gasping dry.
There's nought to offend. No riddles here.
There's only golden ripening rye.

1967

КАМЫШ

Слетают черви-козыри
Осенних листьев. Тишь.
Бедой на тихом озере
Воде грозит камыш.

Он скоро дальше двинется
От берега. Тогда
Зачахнет и затинится
Прозрачная вода.

Свои постели выстелют
У темных тин в тени,
Как прописные истины,
Ленивые лини.

Сюда б волну высокую,
Косу да невода, –
Поспорила б с осокою
И с камышом вода.

О берег пеной выбелясь,
Промыла б родники,
Через протоку б выбилась
Волной к волне реки

Всей страстью наполнения
Покой тоски круша,
Не прекращай волнения,
Живущая душа.

REEDS

The autumn leaves, red hearts, like trumps
Go flying down. What peace!
Misfortune comes to the tranquil lake –
The water's threatened by reeds.

They soon will spread and move ahead
Out from the shore. Then here
Will be foul slime and mire, instead
Of water pure and clear.

And they will make their bed, a nook
In dark ooze, in the shade,
Like maxims copied out in a book,
In lazy lines displayed.

There ought to come a rearing wave,
A scythe, a seine-net dredge –
The waters then would roar and rave
Against reed and rush and sedge

Upon the shore, with whitening foam,
The springs in spate should splash,
And through their channels forcing home
The river's waves should dash.

With rising passion in full flood
Sweep away tedium's calm,
Don't cease your agitated mood,
O soul in live alarm

КАМЫШ

Слетают черви-козыри
Осенних листьев. Тишь.
Бедой на тихом озере
Воде грозит камыш.

Он скоро дальше двинется
От берега. Тогда
Зачахнет и затинится
Прозрачная вода.

Свои постели выстелют
У темных тин в тени,
Как прописные истины,
Ленивые лини.

Сюда б волну высокую,
Косу да невода, –
Поспорила б с осокою
И с камышом вода.

О берег пеной выбелясь,
Промыла б родники,
Через протоку б выбилась
Волной к волне реки.

Всей страстью наполнения
Покой тоски круша,
Не прекращай волнения,
Живущая душа.

Do not give up – I haste to speak
In good time, as one needs –
Your depths, your bay, your quiet creek
To the control of reeds.

1967

Не отдавай, я загодя
Тебя, спеша, прошу –
Своих глубин и заводей
На откуп камышу.

1967

Do not give up – I haste to speak
In good time, as one needs –
Your depths, your bay, your quiet creek
To the control of reeds.

1967

НЕБОЛЬШОЙ ДЕВОЧКЕ ЕЛЕНКЕ

Какая ты смешная, право,
Походкой легкою, как дождь,
Чтобы не сделать больно травам,
Почти на цыпочках идешь.

А я оглядываюсь ради
Твоей судьбы, тебя любя.
Мне кажется, что кто-то сзади
Стоит и целится в тебя.

1967

TO A LITTLE GIRL HELENA

You're very funny, dear, you know,
You go as lightly as the rain,
You almost walk upon tip-toe,
So that you give the grass no pain

And I look round, your fate in mind,
To save you, loving you as I do.
It seems to me, someone behind
Is standing taking aim at you.

1967

СЕЙ ЗЕРНО!

Ты на Земле рожден. Заветом
Далеких предков суждено
Тебе всегда зимой и летом
Душою слышать: сей зерно!

Ты на Земле рожден. Не тем ли
Твой долг определен давно:
Хранить её леса и земли,
Моря и реки. Сей зерно!

Что из того, что мир расколот
Тоскою распрей! Все равно
Пройдут война, чума и голод,
Любовь и песня. Сей зерно!

Ты, на Земле рожденный, в высь ли
Глядишь на звездное руно,
Или веленьем острой мысли
Спешишь в глубины, – сей зерно!

Пусть будет сердце в миг единый
Последней страстью сожжено
И ты уйдешь зерном в глубины
Земной утробы, – сей зерно!

Земля твоя! Она качала
Твоей судьбы веретено.
И нет конца и нет начала
У вечной Песни. Сей зерно!

1967

SOW THE SEED

You have been born on Earth. The ordering
Of distant predecessors heed.
In winter and in summer calling,
You hear within you: "Sow the seed!"

You have been born on Earth. It follows
Your duty was long ago decreed:
Protect her pastures and her forests,
Her seas and rivers. Sow the seed!

What if the world is torn asunder
With anguished strife. There's still the need.
The war will pass, and plague and hunger,
And love and singing. Sow the seed!

You have been born on Earth. If questing
You gaze up at the starry fleece,
Or at the spur of thought unresting
You probe the abysses. Sow the seed!

And if your heart in one small moment
Is scorched in last love's passionate heat,
And you pass on, like grain in ferment
In Earth's deep dark womb. Sow the seed!

The Earth is yours! And she has twisted
The spindle of your fate indeed.
There is no end and no beginning
To Life's long Melody. Sow the seed!

1967

СИНИЙ СВЕТ

Все, что прошло, и все, что станется,
О чем я плакал и молчал,
Нежнее с каждым годом тянется
Туда, к началу всех начал.

Там детство с лампой керосиновой,
Там вместо дома моего
И всей деревни кол осиновый
Торчит – и больше ничего.

Там за церковною оградою
(Ограды нет, и церкви нет),
Под коромыслом зимней радуги,
Мой синий, синий, синий свет.

Цвет глаз моих идет от матери.
Лишь только голову закинь,
И хлынет синь по белой скатерти
Снегов, сольется с синью синь.

Я не без роду, не без племени,
Причастный к горести земной.
За мной два океана времени
И три погибели за мной.

За мной войны дорога дальняя,
Тоска и песня, пот и кровь.
И в наваждении случайная
Скорей печаль, а не любовь

И не от случая до случая,
А каждый день сто тысяч раз

BLUE LIGHT

All that which passed, all that remaining,
Of which I wept, or nothing said,
More tenderly each year is calling
Back there, to the very fountain-head

There childhood with its paraffin lamp-light,
There, where my home once stood before
With all the village–a stump of aspen
Protrudes–and there is nothing more.

And there behind the old church fencing,
(No fences and no church in sight),
Beneath the yoke of winter's rainbow,
My azure, azure, azure light.

My eyes are coloured like my mother's,
And if my head I backward throw,
The blue floods out, and joins the blueness
On the white tablecloth of snow.

I have a name, and I have kinsmen.
I'm used to woes of the earthly kind.
Two seas of seasons lie behind me,
And three perditions lie behind.

Behind me lie long roads of wartime,
And yearning, songs, and sweat, and blood.
I met in casual delusions
Rather more sorrow, less of love.

Not from occasion to occasion,
But every day, a thousand times

Надежда, радуя и мучая,
Мне светит синью синих глаз.

И льется, льется чудо синее
Через сугробы гор и лет.
Душа и песня в синем инее,
Над белым светом – синий свет.

1968

Does Hope, rejoicing and tormenting,
Enlighten me with blue, blue eyes.

There flows and flows an azure wonder
Across the drifts of years and heights
My soul and song lie in blue hoar-frost,
Above white daylight shines blue light.

1968

СТАРЫЙ ЖУРАВЛЬ

Во время перелета ласто
отдыхают на спинах журав

Кто я? Старый журавль. Отстаю постепенно от ста
Вон на север весенний все дальше уходит кося
Там по мягким болотам линяют снегов горноста
И холстины тумана на голых деревьях висят.
Там гнездо моей жизни, извечная родина роди
Заливные луга и леса в предрассветном дыму.
Там высокие звезды как гроздья созревших смороди
Мне, наверно, туда не добраться теперь одном
Кто ты? Легкая ласточка, сбитая ночью с дороги
Острым крыльям твоим встречный ветер осилит
невмочь
Равнодушные звезды далеки и чужды тревоги,
Шторм под нами гремит, и кипит океанская ночь
Хлещут волны внизу и соленой кидаются пылью
Будь спасеньем моим, прижимайся плотнее к плечу
Пусть доверье твое к моему прикоснется усилью
Я спасу тебя, слышишь, и сам до гнезда долечу

1968

OLD CRANE

During the migratory season, tired swallows rest on the backs of cranes

Who am I? An old crane. And I gradually fall
behind others.
To the north still a springtime flock of them
migrating flies.
There along the soft marshes are fading the
snowfields of ermine,
And the canvas of mist on the naked-boughed
trees hangs and lies.
There's the nest of my life, the ages-old
homeland of homelands,
With its wide water-meadows, and forests in haze
before dawn.
There are stars in the heights, just like bunches
of ripened red-currants.
And there, very likely, I shan't ever reach now
alone
Who are you? A light swallow, whom night has
misled on her journey.
Your sharp wings cannot overcome the strong
headwinds in their flight
The indifferent stars are so distant, and know
no anxiety,
The storm 'neath us roars, and the ocean seethes
up in the night.
Still the waves lash below us, and scatter their
salty white spume-flakes.
Be my saviour, and firm to my shoulder lie
quietly pressed.
Let your trust in me touch and endow with new
strength all my efforts:
I shall save you, you hear, and myself then
shall reach my own nest.

1968

* * *

Во сне с ума сошел ребенок.
Что он во сне увидеть мог?

Вставало утро из потемок,
Кошмары спрятав под замок.
И день двадцатого столетья
Щеколдой щелкнул в проходной.
День волшебства,
Великолепья,
Безумья день очередной.
Его наклейки и настойки,
Его нейлон,
Его металл
И скрип зубов с больничной койки
Мне душу с телом измотал.
Что он несет?
Чем мысль накормит?
Куда наметит поворот?
Какие в души пустит корни?
Какие корни подорвет?
Я знаю рост его ступеней.
Я с днем идущим заодно
Моих бессонниц страшный гений,
Кошмарней ваших сновидений,
Мне веру высветлил давно.
И мой во сне локатор тонок,
Предположенья сбились с ног.

...Во сне с ума сошел ребенок.
А я спасти его не мог?!

1968

* * *

In dreams a child has lost its reason.
How could he dream so great a shock?

This morning rose out of the shadows,
The nightmares hidden behind the lock.
A new day of this twentieth century
Rattled the latch in the entrance-way.
A day of magic,
A day of splendour,
A usual crazy kind of day.
Its labelled bottles, and its infusions,
Its nylon and
Its metal too,
And gritting of teeth from beds in hospital,
My soul out of my body drew.
What does it bring?
What food for thinking?
Where can one plan a turn-about?
What kind of roots let probe one's spirit?
What kind of roots should one tear out?
I know the risers of the stairway.
I'm at one with the present day's events.
The terrible genii of my insomnia,
Even more horrible than your dreams,
For me lit up belief long since.
In sleep my radar's very sensitive.
All my assumptions – down they go.

...In dreams a child has lost its reason.
But could I not have saved it, though?

1968

УТОПИЧЕСКИЕ СТИХИ

Обращаюсь ко всем живущим
Разных стран и наречий разных:
Ради жизни веков грядущих
Объявить повсеместный праздник –
ДЕНЬ БЕЗ ВЫСТРЕЛА НА ЗЕМЛЕ.

Если праздник удачным будет,
Можно силы свои утроить,
Сговориться надежно людям
И на радость людей устроить
ГОД БЕЗ ВЫСТРЕЛА НА ЗЕМЛЕ.

Год без выстрела дней спокойных,
Год без пыток ночей острожных.
Вот тогда, позабыв о войнах,
Начинать уже будет можно
ВЕК БЕЗ ВЫСТРЕЛА НА ЗЕМЛЕ.

И земля зацветет отменно,
Из кровавого выйдет круга.
Мы разучимся постепенно
На земле убивать друг друга.
ЛЮДИ! ДЕЛО ТОЛЬКО ЗА ВАМИ!

1968

UTOPIAN VERSES

I address myself to all the living
Of every tongue, and every land:
For the sake of all the centuries coming
I announce a general festival grand:
A DAY WITHOUT A SHOT ON EARTH.

And if the festival proves successful,
Our efforts we can slightly change,
Agree with confidence and restful,
For people's happiness to arrange
A YEAR WITHOUT A SHOT ON EARTH.

A year of peaceful days–no shooting,
A year of nights–no tortured cries.
Then, having forgotten war and looting,
We can begin to organise
AN AGE WITHOUT A SHOT ON EARTH.

And then the world will blossom wholly,
Will break the bloody bonds of war.
We then shall unlearn, slowly, slowly,
To kill each other, as heretofore.
PEOPLE! THE MATTER'S IN YOUR HANDS!

1968

НА «НЕВСКОМ ПЯТАЧКЕ»

Сто батарей гремело сдуру,
Слепой тротил крушил, крошил.
Земли изодранную шкуру
И мертвых снег запорошил.

Но нет забвенья, нет забвенья
Тому, кто в этом был аду,
И памяти подразделенья
Равняются на холоду.

Седые волны бьются в мыле.
Горит зари багровый кант.
И непреклонен, как Вергилий,
На переправе комендант.

Он видит смерть. Он жизнью мерит
Свою погибель без нытья.
Дойдет туда, на левый берег,
Лишь только пятая ладья

А остальные без возврата –
В щепу снарядом – и ко дну.
И кровь до самого Кронштадта
Окрасит невскую волну.

При штурме храбрым доставались
Всегда крутые берега.
Природы зимняя усталость
Однообразна и строга.

На месте том, пустом доныне,
Трава живая не растет.

ON THE NEVA "5-KOPECK-PIECE"*

A hundred batteries madly thundered,
The blind explosive crashed and smashed,
And tore earth's skin to shreds and tatters,
The dead with powdery snow be-dashed.

There's no forgetting, no forgetting
For one who felt that fiery hell,
And memory's many subdivisions
Dress off their ranks in a frosty spell.

The gray waves lash themselves till foaming,
Dawn's crimson edging burns and glows,
And as indomitable as Virgil,
The commander to the crossing goes.

He faces death. To life he measures
Without a whimper his own end.
Only one fifth of all his vessels
Beside the steep left bank will stand.

Those others nevermore returning,
Shattered by shells, to the depths will go,
And right up to the Kronstadt Fortress
The Neva's waves will reddened flow.

It was the fate of the courageous
Always to breast the shore-line sheer.
The wintry tiredness of nature
Becomes monotonously severe

Upon that place, till now deserted,
The living grasses do not grow.

* A small beach-head – *Tr.*

С печальной вечностью полыни
Сухой качается осот.

Да жесткий снег, клубясь, струится,
Течет, шершав и синеват.
Мои глазницы – как бойницы,
И в этом я не виноват.

1969

With bitter eternity of wormwood
The thorny thistles sway and blow.

The harsh snow, eddying and streaming,
Storms rough and bluish still the same.
My eyes are like two gun-embrasures,
But I for that am not to blame.

1969

* * *

Осколки былой панорамы
Из тьмы вылезают на вид.
В душе известкуются раны
Вчерашних потерь и обид.

Душа отдыхает, как пашня,
Чтоб семя принять через год,
И песня на шрамах вчерашних,
Как дикий татарник, растет.

1970

* * *

Shell-fragments of past scenes, long-lying,
From darkness worm their way to sight.
Wounds in my soul are calcifying,
The scars of yesterday's loss and slight.

My soul lies fallow, like a pasture,
To take the seeds in a year or so.
My songs, on yesterday's scars, long after,
Like wayside thistles, wildly grow.

1970

* * *

Осколки былой панорамы
Из тьмы вылезают на вид.
В душе известкуются раны
Вчерашних потерь и обид.

Душа отдыхает, как пашня,
Чтоб семя принять через год,
И песня на шрамах вчерашних,
Как дикий татарник, растет.

1970

* * *

Shell-fragments of past scenes, long-lying,
From darkness worm their way to sight.
Wounds in my soul are calcifying,
The scars of yesterday's loss and slight.

My soul lies fallow, like a pasture,
To take the seeds in a year or so.
My songs, on yesterday's scars, long after,
Like wayside thistles, wildly grow.

1970

* * *

Вчера ломал деревья ураган,
И, словно танки, громыхали тучи,
И озеро бежало к берегам
И расшибалось о седые кручи.

Сегодня – неземная благодать:
Прозрачно небо, неподвижны воды.
И как-то непривычно наблюдать
Блаженное спокойствие природы.

Земля как истина обнажена,
И верится наперекор обману:
Великое рождает тишина,
Пришедшая на смену урагану.

1970

* * *

The hurricane yesterday through the trees went smashing,
Like tanks the storm-clouds thundered on their way,
The lake upon its shores went madly dashing,
Its waves were shattered on the rocks of grey

Today the weather's simply heavenly turning:
The water's quiet, the sky is crystal-clear,
And somehow it's unusual observing
The blessed peace and calm of nature here.

The earth, like truth revealed, is naked lying,
And still believes, in spite of past deceit.
And now is born a great majestic silence,
Which comes to fill the hurricane's retreat.

1970

ЭЛЕГИЯ

Отошедшее лето
С печалью пустынных полей,
Над полями с рассвета
Седая печаль журавлей.

С этой вечной печалью
Моя улетает печаль.
За прозрачною далью
Далекая видится даль.

Там под синею сенью
Холодных и ломких небес,
Словно дань повторенью,
Осенний смыкается лес

Там лежит на траве
И на золоте сонных осин
Синевой в синеве
Осиянная синяя синь.

Эта легкая синь
Через тонкую плоскость стекла
С крыльев диких гусынь
Под ресницы твои натекла.

Натекла и стоит,
Как озера в тени камыша.
И цветет, и грустит,
И смеется, и стонет душа.

1970

ELEGY

Now the summer's departed
With sad empty fields down the lanes.
O'er the stubble since dawning
There flies the grey grief of the cranes.

With that sorrow eternal
My sorrow away from me flies.
Beyond clear horizons
Yet a further horizon lies.

There 'neath sheltering shadow
Of chilly and fragile blue skies,
Like a tribute repeated
The woods, closely-gathered, now rise

There over the grasses
And an aspen's slumbering gold –
Azure depth within azure,
A radiant azure twofold.

And that transparent azure
Which through the thin glass-pane shows
From the wild geese's pinions,
Beneath your long eye-lashes flows.

It has flown there and lingers,
Like a lake in the shade of the reeds.
And there your soul blossoms
And laughs there, and smiles, and grieves

1970

ПИСЬМО В СТИХАХ О СТРАННОМ СЛУЧАЕ

Я ничего от вас не скрою,
Всю душу выложу до дна:
Живу в лесу, дружу с горою
Напротив моего окна.

Гора ко мне приходит поздно,
Наваливается в окно
И в тишине из шкуры звездной
Вычесывает волокно.

Потом мне теплый свитер вяжет
И надевает на меня.
Пока я сплю, стоит на страже
До утра завтрашнего дня.

И, освещенная рассветом,
Отходит в световую даль.
Сверяя с отгоревшим летом
Свою заботу и печаль.

Родник ей за ухом щекочет,
Струной натянутой звеня.
И целый день гора хлопочет,
Ей целый день не до меня.

Но день окончится. Под вечер
Она опять придет ко мне.
Перед окном расправит плечи
И загородит свет в окне.

И, не пеняя на погоду
И на отсутствие огней,

LETTER IN VERSE
ABOUT STRANGE HAPPENINGS

I make no effort at concealment,
And my whole soul to you lay bare:
I live in a wood, make friends with a mountain,
Just opposite my window there.

The mountain calls on me at evening,
And leans upon my window low,
And in the quiet from starry fleeces
Combs out the fibres row on row.

And then she knits a nice warm sweater
And puts it on me straight away.
While I'm asleep, she stands on sentry
Till morning of the following day.

And feeling freshened by the dawning,
She leaves for some bright land afar,
Comparing notes with burnt-out summer
About her sorrow and anxious care.

A springlet by her left ear tickles,
Like a tightened string, rings clear and fine.
And all day the mountain's busy,
And all day long for me–no time.

But daylight ends Towards the evening
She comes again to spend the night,
Before my window spreads her shoulders
Completely blotting out the light.

And not complaining of the weather,
Nor of the absence of a fire,

Я буду рад ее приходу
И посумерничаю с ней.

И снова будет ночь струиться
Легко, как речка через мель...
Вот что со мною здесь творится
От вас за тридевять земель.

1971

I shall be glad of her arrival,
And spend the twilight here with her.

Again the night hours will go streaming,
As light as streams on shallows play ..
And that's the strange thing that has happened,
From you two-score long leagues away

1971

КРИК ВДОГОНКУ

Твои отходят корабли.
А я – как рыба на мели.

С последним кораблем вода
Уходит тоже навсегда.

На жабрах желтого песка
Скрипит смертельная тоска.

Спалило солнце до костей
Вместилище моих страстей.

И никогда опять прибой
Здесь не появится с тобой.

И нужно миллион веков,
Чтоб – руки вместо плавников,

Чтоб я твоих коснулся рук,
Чтобы открылся новый круг.

1971

AFTERCRY

Your ships to the open ocean steer.
But I'm like a fish in the shallows here.

And with the last of the ships, the sea
Recedes for ever away from me.

The deadly boredom of sands of gold
Upon my squeaking gills unfolds.

The sun has scorched to the very bones
The receptacle of my passionate moans

And nevermore, on the flowing tide,
Will you appear here by my side.

And a million ages must all be past
Before fins change into hands at last.

So that I should take and caress your hand,
So that in a new circle we should stand.

1971

* * *

Да, я солдат.
Завидуй мне. Дивись.
Я принимаю всех обид упреки
Мне плоть и душу вымотала жизнь,
Восторги века и его пороки.

В снега времен и мой впечатан след,
Мое плечо хранит тепло соседа.
Я знал войну: взлет разума и бред –
Все, чем жила и маялась Победа.

Да, я солдат Все шло через меня:
Остуда века и его отрада,
Сияние рассветного огня
И пепел водородного распада,

Предательство и чести правый суд,
Страсть поцелуя и мороз измены.
От стронция эпохи не спасут
Искусства бронированные стены.

Да, я солдат. Я возводил мосты.
Душа – в рубцах, и на руках – короста
Возвышенные истины просты,
Да только их осуществлять не просто.

Я трубачом и плакальщицей был.
Меня несли бессилие и сила.
Я женщину без памяти любил, –
Она меня еще не позабыла

* * *

Yes, I'm a soldier.
Envy me. And wonder.
For all offences reproaches I accept
My soul and body life has tugged and tangled,
The century's delights, and its defects.

Upon the snows of time my tracks are printed.
My shoulders feel a comrade's warmth come through
I have known war: the soaring of rage and reason
And all by which Victory lived and suffered too

Yes, I'm soldier. All passed through my being –
The century's coldness and warm pleasures passed
The glow of conflagrations at day's dawning,
The ashes of the hydrogen-atom's blast

And treachery, and honour's righteous judgment,
The ardour of kisses, and betrayal's frost.
From the strontium of our age there's no salvation
In the armoured towers of art, where all is lost

Yes, I'm soldier. I erected bridges.
My soul in scars, my hands all chapped and sore
The highest truths are always sheer simplicity,
But to put them into practice needs much more.

I was a trumpeter, and a bitter mourner,
And borne along by helplessness and power.
I loved a woman madly, to distraction,
And she has not forgotten me till this hour.

Да, я солдат. Живущее любя,
На перекрестках памяти непрочной,
Как листья клен по осени, себя
Идущим дальше раздаю построчно.

В бреду ночей и в сутолоке дней
У мысли есть одна первопричина:
Чем выше – тем сложнее и трудней,
И все-таки – да здравствует вершина!

Да, я солдат. И мой угрюмый страх
Живет во мне, как жизнь в подножном прахе,
И песня леденеет на губах,
Как свет звезды на снежном Карабахе.

Пусть упаду седой горе на грудь,
Но солнце вспыхнет огненным раструбом,
И кто-то вновь продолжит этот путь,
Цепляясь за уступы ледорубом.

1972

Yes, I'm a soldier. Living still, and loving,
At memory's uncertain cross-road sign,
And like a wind-blown maple-leaf in autumn
Fly on, and give myself with every line.

In night's delirium, and in day's commotion
My thoughts keep one first aim in sight:
The higher one goes, the subtler and the harder,
Yet all the same to greet those very heights!

Yes, I'm a soldier. My dark apprehension
Lives on in me, like life in trodden dust,
And so the song upon my lips is frozen,
Like light of stars on a snowy mountain crest.

What though I fall on the hoary mountain's bosom,
The sun will with its fiery bell emerge,
And someone on that path will still continue,
With ice-axe clinging to the very verge.

1972

ПРОЩАЯСЬ С ВЕНЕЦИЕЙ

В. Н. Орлову

Венеция уходит. Не тревожь
Венеции дождей и старых дожей,
Смущавшей оборванцев и вельмож
Осанкою и золотистой кожей.

Венеция уходит в глубину,
Венеция скрывается из виду,
Перечеркнув старинную вину
И позабыв последнюю обиду.

Венеция уходит навсегда
Уходят тротуары и подмостки.
И куполом смыкается вода
Над рыжим завихрением прически.

Там в изумрудном забытьи воды
Ее кольцо колышется неярко,
И медленно смываются следы
Моей любви с камней Святого Марка.

Венеция! Уходит страсть и стать.
Сестра моя, а мне куда податься?
Венеции положено блистать,
Венеция устала торговаться.

Венеция уходит. На канал
От железнодорожного вокзала
Оплакивать последний карнавал
Последняя гондола опоздала.

FAREWELL, VENICE[1]

To V N Orlov

Venezzia is going... Do not trouble
The Venice of old doges and past showers,
Having disturbed the rag-tails and the magnates
With golden skin, and the bearing of high powers.

Venezzia is going to depths of darkness,
Venezzia slowly hides herself from view,
Having cancelled out the ancient accusation,
And having forgotten the latest insult too.

Venezzia is going, with no returning,
Her pavements and her piles for evermore
And with the cupola the waves make contact
Above the auburn vortex of her coiffure.

There in the emerald swooning of the water
Her circle rocks and sways in dimming tones,
And tardily are washed away the traces
Of my last love from old St. Mark's grey stones.

Venezzia! Passion and the flesh are going.
My sister, tell me, where am I to go?
Venezzia is intended to be brilliant.
Venezzia is tired of haggling so.

Venezzia is going. On the waterway
That leads down from the railway-station gate,
To mourn the last of masquerades and carnivals
The last gondola has arrived too late.

Парада нет, и пушки не палят.
Обманутая временем жестоко,
Венеция уходит в Китеж-град,
Как женщина, легко и одиноко.

Горит ее пленительная прядь,
Прочесанная солнцем над волною.
... О чем ты призадумалась? Присядь.
Когда мы снова встретимся с тобою?

1972

There's no parade, the cannon have not thundered.
Deceived by cruel Time, as cold as stone,
Venezzia's going down to Atlantida,
Like some fair woman, lightly and alone.

Her captivating tresses are a-glowing,
Combed by the sun above the wave-lapped shore
.. Why are you lost in thought? Sit down a moment*.
Say, when shall you and I, then, meet once more?

1972

* It is a Russian custom to sit down for a moment or two in silence, before going on a long journey.– *Tr.*

ТИХО

М. М. Пришвину

Ночной грозы угомонился гром.
Перед рассветом эхо отзвучало.
И тишина торжественна кругом,
Как изначальной музыки начало.

Сосновый лес – как золотой орган,
Пронизанный легчайшим свежим светом.
От мокрого брусничника туман
Уходит в небо, не касаясь веток.

Как мир хорош! И как я счастлив сам!
В умытом мире тайное не тайно.
Не вечность ли сейчас по волосам
Меня рукой погладила случайно?

И вновь душа, сомнений лишена,
Покоя набирается без спешки.
...И каплю обронила тишина
В фаянсовое блюдце сыроежки.

1972

QUIETUDE

To Mikhail Prishvin

The night-storm's thunder now has quietened down.
Before the dawn its echoes lost their force.
And now majestic silence reigns all round,
Like music's fundamental fountain source.

The pine-trees, like gold organ-pipes arise,
Shot through by most ethereal freshest light.
The mist from dripping bilberries upward flies
Toward the skies, not touching twigs in flight.

How fine the world! A happy man I stand!
Washed clean, the secret world's no secret here
Has not eternity with a tender hand
Just brushed by merest chance my hoary hair?

Again my soul, with all its doubts dismissed,
Gathers its quietude, and hastens not.
...In the agaric mushroom's glazed clay dish
The seeping silence has let fall one drop

1972

ЛИРИКА

Из глубины обманчивых времен,
Через ее поэзию и прозу,
Сквозь прах и пыль разрух Анакреон
В двадцатый век протягивает розу.

Живой любви бессмертный огонек,
Обожествленный благородным слогом,
И лишь одним влюбленным невдомек,
Что роза пахнет порохом и смогом

1972

LYRIC

From out the deceptive depths of seasons gone,
And through time's living poetry and prose,
Through the dust and ash of ruin Anakreon
To the twentieth century stretches out a rose.

Of living love the everlasting spark,
Deified by the noble words he spoke,
And only to young lovers the secret's dark,
That roses smell of powder and battle-smoke.

1972

* * *

Я прожил жизнь не одиноко.
И капля моего труда –
В кипенье бурного потока,
А не в спокойствии пруда.

Я словом подвиг друга славил
И замыкал в упругий стих.
Я память о себе оставил
В судьбе товарищей своих.

А то, что жил я не напрасно
И не напрасно принял бой, –
За мной идущие прекрасно
Докажут собственной судьбой.

1973

* * *

I lived my life through not unfriended.
And droplets of my toil are found
In seething stormy current blended,
Not in the stillness of the pond.

The praise of comrades' deeds I chanted,
And locked them in resilient rhyme.
And memory of myself I planted
Within the fate of friends of mine.

And that I lived and toiled not vainly,
And not in vain took up the fight,
Those coming after me most plainly
Will show in their own future bright.

1973

ПЕСНЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

..Глагол времен

Г. Р. Державин

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся

А С Пушкин

Глагол времен, мой гений, мой язык,
Скрещение судеб и мужества народа,
Через тебя явила миру лик
Ответственности строгая свобода
Ты – ручейком из глубины веков,
Ты – светом путеводным из тумана,
От сердца к сердцу – музыкой. Таков
Твой трудный путь к величью океана.

Люблю тебя всей жизнью, всей судьбой,
Всем, что прошло, и всем, что должно статься
Ты воздух мысли и мечты. С тобой
Мне до скончанья мира не расстаться.
Ты для меня раскидывал мосты
И озарял окутанное тенью,
И, вопреки всему на свете, ты
Учил меня родству и уваженью.

Горжусь тобой! Прекрасен твой союз
Объединенья наций и наречий.
Ты на вершину поднял грозный груз
Единственной надежды человечьей.
Костры твоей поэзии горят,
Земного братства приближая сроки.
Через тебя друг с другом говорят
Гармонии поэты и пророки.

SONG TO THE RUSSIAN LANGUAGE

...The word of the times,

G R Derzhavin

And when the folk, revenge forgetting,
In one great brotherhood unite

A S Pushkin

The word of the times, my genii, and my language,
The crossing of fates, and courage of the folk,
Through you strict freedom showed the world the features,
Which of mankind's responsibility spoke.
You are the stream from out the depths of ages,
You are the light which guides us through the mist,
From heart to heart, like music Such your purpose,
Your difficult road to the breadth of the ocean's breast

I love you with all my life, and with all my being,
With all that was, and all that is yet to be.
You are the breath of dreams and meditation,
Till the end of the world you shall not part from me

You built for me so many friendly bridges,
And lit for me those things with shadows flecked,
And in spite of all upon the wide world's surface,
You taught me human kinship and respect.

I'm proud of you! Your union is lovely,
Uniting nations, dialects, many a mind.
You lifted to the heights the boding burden
Of the one and only hope of all mankind.
The bonfires of your poetry still blazing
Bring nearer yet the day of brotherhood.
Through you one friend converses with another,
The poet and prophet of harmony understood.

Ты – тверд и гибок, нежен и силен,
Ты – соловей на ветке бересклета.
Ты – сталь и пепел, колокол и лен,
Загадка тьмы и откровенье света.
Из тьмы времен ты выбился на свет,
Сквозь стены отчужденья прорастая,
И обрела в твоей судьбе привет
И почву жизни истина простая.

Безмерен мир, и бесконечен путь.
И нет границ для разума и воли.
И в равноправье равных зреет суть
И ясный смысл твоей завидной роли.
Продли в себе моей тревоги дни
И эту песню выведи к распутью.
И суть моей души соедини
С твоей великой и бессмертной сутью.

1973

You're firm and flexible, strong and very tender,
You are a nightingale on the bush or branch
You are a bell and flax, and steel and ashes,
The puzzle of dark, and light's unveiling dance.
You forced your way to day from out the darkness,
Across estrangement's wall sent shoot and leaf,
And in your fate the simple truth was welcomed,
And found therein the fertile soil of life

The world is measureless, and the road is endless.
But there's no bound for reason, nor for will
And in the rights of equals matures the essence
And lucid sense of your great title-role.
Prolong within yourself my days' disquiet,
And this my song lead out to the waiting ways.
Unite the very essence of my spirit
With your immortal essence, where greatness lies.

1973

ОТТЕПЕЛЬ

И. Исакович

Всё перепутал календарь
Под новогодним хмелем.
Январь забыл, что он январь,
И сделался апрелем.

Дождь за ночь белый снег с полей
Согнал без проволочки,
На ветках старых тополей
Зашевелились почки

Но возвратились холода
Опять в конце недели,
И листья в почках навсегда
Уже заледенели.

Под рокотанье вешних гроз
Не зеленеть побегам.
И на душе моей мороз
Напополам со снегом.

Из плена вашего огня,
Из вашей вольной воли
Что б вам порадовать меня
Хоть оттепелью, что ли!

1973

THAW

To I. Isakovich

The calendar got a little tipsy
Celebrating the New Year.
January forgot it's winter –
Thought it was April here.

And overnight the rain-storm quickly
All snow from the pastures thrust,
And on the ancient poplar branches
The buds began to burst.

But back soon came the icy weather
At the ending of the week,
And the leaves within the buds for ever
Were frozen stiff and bleak.

To the rumbling of the real spring thunder
The leaflets did not grow.
And in my soul I felt a blizzard
Half ice, half frozen snow.

From the captivity of your fire,
And from your wilful will,
If only you my heart would gladden
With a little thaw-out still!

1973

ЛАСТОЧКА ЧЕРЕЗ ЛА-МАНШ

В тот для меня непостижимый год,
В разгоряченном месяце июле,
Под лицами, в пчелином ровном гуле,
Ваш легкий голос превратился в мед

Никто моей печали не поймет,
Никто меня не сменит в карауле,
Где вы залетной иволгой мелькнули,
Откуда вы отправились в отлет.

И не вернулись. В сторону заката
Уходит время, убыстряя ход.
И прошлое обходится без льгот.

Что из того! Я вас любил когда-то.
Я вас люблю. Но только нет возврата
В тот для меня непостижимый год.

1973

SWALLOW ACROSS THE ENGLISH CHANNEL

In that for me incomprehensible year,
In the middle of that heated month July,
Beneath the limes, as bees went buzzing by,
Your light-toned voice changed into honey clear

No one my secret sorrows will understand,
No one will take my place for me on guard,
Where you, like a migrant oriole disappeared,
From where you flew away to another land.

And came not back. Towards the sunset's glow
Time steals away, with ever-quickening pace
The past can manage with no privilege there.

Well, what of that? I loved you once, it's true.
I love you still. But steps I can't retrace
To that for me incomprehensible year.

1973

ТЕБЕ НА ЗАВТРА

Когда-нибудь и ты меня поймешь,
Перед своею совестью в ответе.
И с опозданьем истина сквозь ложь
Перед тобою встанет в ясном свете.

Но к моему тревожному огню
Ты не спешишь в холодный час заката.
И я тебя за это не виню:
Я сам безбожно опоздал когда-то.

Твою судьбу угадывая, сам
Твоей судьбе печалью не перечу.
И призываю новым парусам
В открытом море ураган навстречу.

И в старый след ложится новый след,
И медленно смываются границы.
И счастлив я, что вижу звездный свет
В пустую ночь через твои ресницы.

1973

FOR YOU TOMORROW

Some time or other you will understand me,
Before my conscience answerable for right.
And rather late the truth, through all the lying,
Will stand before you in a lucid light.

But to my blazing and betroubled fire
You do not hasten in cold sunset's hour,
And I for your late coming do not blame you,
For I was shamelessly late myself before.

Your future fate divining and foreseeing,
I shall not thwart with pain that fate again.
And to new sails upon the open ocean
I summon up the headlong hurricane

And in the old tracks now are new tracks lying,
And slowly the old boundaries disappear.
And I am happy seeing the stars a-shining
In empty night between your lashes clear

1973

ФОРЕЛЬ ИГРАЕТ
В ЛУННОМ СВЕТЕ

В ущелье Верхнего Чегема
Глядит луна, и перед ней
Жилга, цыганкой из гарема,
Бежит, танцуя меж камней

То падает, то замирает,
То в камень брызгами пылит.
Смотри! Форель в Жилге играет
И в лунном воздухе парит.

Над валуном мелькает стая,
Законам рыбьим вопреки,
Червонным золотом блистая,
Меж звезд струятся плавники.

Как из доверия в измену,
Как из бессмысленности в цель,
Форель летит из пены в пену,
Играет горная форель.

Прислушайся. На всей планете
Замедлен времени полет.
Форель играет в лунном свете,
И вся вселенная поет.

1973

A TROUT PLAYS IN THE MOUNTAIN MOONLIGHT

In High Chegem's constricted gorges
The moon upon the river looks
The Zhilga, like a gypsy girl from a harem,
Runs, dancing through the mountain rocks.

Here noisily falls, and there flows quiet,
Here on the stones a-splashing sweeps.
Just see! A trout in the Zhilga playing,
And in the moonlit air he leaps.

Above the boulder trout go streaming,
Against all piscatorial rules,
Their scales with crimson gold a-gleaming,
Among the stars shine fins in shoals.

As from belief into betrayal,
As from insanity into aim,
The trout from foam to foam goes flying,
The mountain trout plays out his game.

Just listen here! Throughout the planet
The rapid flight of time is slowed.
A trout plays in the mountain moonlight,
And the whole universe sings aloud.

1973

ПИСЬМО КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ

Кайсын, мне хочется в Чегем,
Под своды старой сакли.
Там угли в низком очаге
И хворост не иссякли.

Там мягок легкий мех козы,
И мы, присев на шкуре,
Поговорим о днях грозы
И предстоящей буре.

И во главу угла стиха
По мановенью ока
Поставим посох пастуха,
Как инструмент пророка.

Стадам овец нужна трава
И в полдень тень чинары.
И нам с тобой пасти слова,
Как звездные отары.

Потом сгонять от ледников
В долины гурт овечий –
На перекресток всех веков
И всех противоречий.

Чтобы над пропастью пустынь
Одна спаяла фраза
России трепетную синь
И седину Кавказа.

Чтоб мы воочию смогли
Иные видеть дали,

LETTER TO KAISYN*

Kaisyn, I long to see Chegem,
'Neath the piled-up hill-side dwellings.
There embers on the lowly hearth
Of brushwood smoke are smelling.

The goat-skins there are light and soft,
And having sat among them,
We'll talk of bygone stormy days,
And storms that may be coming.

And for the corner-stone of verse,
In a twinkling, thinking of it,
We'll place a simple shepherd's staff,
As the instrument of the prophet.

The flocks of sheep need succulent grass,
And at noon the plane-tree shadows,
While we shall pasture out our words
Like herds in the starry meadows

And later drive from snow and ice
Our herd down to the valley,
Where the cross-roads of the ages lies,
And contradictions dally.

So that above the wild abyss
One phrase should weld, well-wedded,
The trembling blue of Russian skies,
And the Caucasus grey-headed.

So that we see for ourselves afar
The horizons of tomorrow,

* Kaisyn Kuliyev, People's Poet of Kabardino-Balkaria, born in Chegem, in the Northern Caucasus – *Tr*

Как сыновья одной земли,
Одной земной печали.

Чтоб наше слово мир, как цель,
Держало на примете,
Чтобы играло, как форель,
В Жилге при лунном свете.

1973

As brothers and sons of one great land,
And of one great earthly sorrow.

So that our word, as target-aim,
Should keep peace in its view-sight,
That it should play, like a mountain trout
In the Zhilga in the moonlight.

1973

* * *

Не будет ни встреч, ни обманов
У старой судьбы на краю.
Последние листья с платанов
Летят через душу мою.

И нет ни тоски, ни боязни,
Спокойствием полнится взгляд.
Последний кончается праздник,
Последние листья летят.

Летят через память о лете,
Летят через тысячи лет,
Сквозь легкий туман на рассвете
Полетом погибших планет.

Веселье кончается скукой,
И время меняет наряд.
Над самой последней разлукой
Последние листья летят.

1974

* * *

There'll be no more meetings, deceivings,
In a fate near its final goal.
The very last leaves from the maples
Go flying away through my soul.

There is no more longing and fearing.
Through my gaze tranquillity weaves.
The last festive days are ending,
The last of the summer's leaves.

They fly through the memory of summer,
They fly through a thousand years,
Through the delicate mist in the dawning,
Like a flight of falling stars.

All merriment ends in boredom,
Time changes his bright summer gown.
Above the last of the partings
The last of the leaves blow down.

1974

* * *

Владимиру Жукову

Это память опять от зари до зари
Беспокойно листает страницы.
И мне снятся всю ночь на снегу снегири
В белом инее красные птицы.

Белый полдень стоит над Вороньей горой
Где оглохла зима от обстрела,
Где на рваную землю, на снег голубой,
Снегириная стая слетела.

От переднего края раскаты гремят.
Похоронки доходят до тыла.
Над Вороньей горою погибших солдат
Снегириная стая накрыла.

Мне все снятся военной поры пустыри,
Где судьба нашей юности спета.
И летят снегири, и летят снегири
Через память мою до рассвета.

1975

To Vladimir Zhukov

That is memory again, who from dawn till dawn's
glow
The pages so restlessly stirs.
And I dream all the night of bullfinches and snow—
In white hoar-frost the red-throated birds.

Broad midday stands over the Carrion Crow Hills,
Where the water was deaf from war's din,
Where on azure-blue snow, on the earth torn
by shells,
A flock of bullfinches flew in.

From the forward lines thunderous rumblings sped,
And funerals took place in the rear.
'Neath the Carrion Crow Hills the soldiers lay dead,
By the bullfinches' flock covered there.

I still dream of war-time's grey wastelands and sky,
Where the fate of our youth was sung o'er.
And the bullfinches fly, and the bullfinches fly
Through my memory till dawn once more.

1975

* * *

Там, в нашем Августе, созрели
Хлеба в полях, и звонкий зной
Густую зелень акварели
Просвечивает желтизной.

Там за науку страсти лето
Наград не требует взамен.
Там все продуто и прогрето
И каждый миг благословен.

Там на лугу пасутся кони,
И шмель в татарнике жужжит.
Там грудь твоя в моей ладони,
Как вся вселенная, лежит.

1975

* * *

There, in our August days, have ripened
The fields of grain, and ringing heat
Through dense green of the water-colour
With golden yellow shines the wheat.

And there for passion's lesson the summer
For a reward makes no request.
There all is wind-blown, all warmed through there,
And every moment there is blessed.

There on the meadows feed the horses,
The bee to the thistle humming flies.
And there within my palm your bosom,
Like the whole universe, quiet lies.

1975

* * *

Б. Шмидту

А нынче – голая зима,
Как рифма без стихотворенья.
Хоть плачь или сходи с ума.
Но снега нет – и нет забвенья.

Прошедшее обнажено
В душе, как на рельефном снимке.
И перевеяно пшено
Воспоминаний по крупинке.

Какую кашу заварит
Жизнь беспощадная на завтра?
Что из восторгов и обид
Сплетет поэт, ее соавтор?

Ведь могут ижица и ять
Опять с грядущим днем лукавить?
Но ничего нельзя изъять,
И ничего нельзя исправить.

1975

* * *

To B. Schmidt

Now winter bare and snowless lies,
Like rhymes without a verse for setting.
Go off your head, weep out your eyes,
There is no snow—and no forgetting.

The past all naked lies revealed
Within my soul, in high relief.
And winnowed is the grain from the field
Of memory, seed by seed.

What kind of gruel's prepared tonight
By pitiless life for us tomorrow?
What weaving of delight and slight
Will the poet, her co-author, follow?

Can Church-Slavonic letters, say,
Practise on coming days deception?
But nothing must one take away,
To nothing must one make correction.

1975

* * *

Бумеранги Равеля срывались со сцены,
Где рояль полыхал, словно черный пожар
И сходились, как скалы, высокие стены.
И опять их отхлестывал новый удар.

Перед этим напором неистовой веры,
Перед ритмами этой вселенной игры
Океаны кипели, трещали барьеры
И в пустыни забвенья летели миры.

Наважденье росло. И к фаланге фаланга
Наступила, и грохот обрушивал гром.
Хиросима горела, и след бумеранга
У Земли под четвертым остался ребром.

1975

* * *

Ravelle sent his boomerangs swift from the scene,
Where the grand piano, like black fire, blazed
And the tiered walls, like cliffs, rose with no rifts
between,
And again a new blow left them lashed and amazed

At that furious onslaught of fiercest belief,
At the rhythms of those universal chords,
The oceans seethed, and the bars burst beneath,
And to wastes of oblivion the planets roared.

The deception grew. And hosts face to face
Approached, and the lightnings and thunderbolts
rained.
Hiroshima in flames, and the boomerang's trace
Beneath the fourth rib of the Earth remained.

1975

Как совершенство неба и земли
Весенние танцуют журавли.

Блистательный балет среди болот.
Гармонии и грации полет.

Изящества и пластики турнир,
Живого чуда несравненный мир.

Тот, кто увидеть это чудо мог,
Уже не просто человек, а бог,

Случайно в руки получивший нить
Умения гармонию хранить.

1975

* * *

Like the perfection of all the heavens and earth
The springtime cranes are dancing for all they're worth.

A brilliant ballet among the marshes free.
The flight of grace and perfect harmony.

A tournament of elegance unfurled.
A living miracle's incomparable world.

He who might see this miracle, though a clod,
No longer is a simple man, but God,

Having by chance received the thread in hand,
The ability to record this harmony grand.

1975

ОЧЕНЬ СТАРАЯ ПЕСНЯ

Мне обещали твои соловьи
Парус надежды и каплю любви.

Парус надежды порвало грозой.
Капля любви обернулась слезой.

В пену врезается нос корабля.
Звезд не видать, и далеко земля.

Но вот последней волною моей
Песнею тешится твой соловей.

1975

A VERY OLD SONG

Your nightingales promised me once in the grove
A new sail of hope, and just one drop of love.

The new sail of hope split in storm-winds severe.
The one drop of love has changed into a tear.

My vessel's prow cuts deep and sharp in the foam.
No stars can I see, nor the far shore of home.

But over my last long wave, as it swells,
With a song I am solaced by your nightingales

1975

ПРИСНИВШИЕСЯ СТИХИ

Над озимью, над серой глиной пашен
Осинник оголился и продрог.
День на исходе. Две печали наши
Сошлись на перекрестке двух дорог.

В ночь будет снег. Рвет ветер дальних далей
Последний лист с продутого куста.
А как разжечь из двух седых печалей
В седую ночь подобие костра?

Не ведаю...

1975

VERSES FROM A DREAM

Above the winter wheat and grey clay pasture
An aspen, growing naked, trembling sways.
The day is in decline. And our two sorrows
Have met and joined at the crossing of two ways

Snow comes tonight. The distant wind is tearing
From blast-blown bush the last leaf to expire.
How can we light from our two hoary sorrows
In hoary night the likeness of a fire?

I know not...

1975

* * *

Волна, звеня колечками,
По камушкам поет.
И девочка над речкою
По берегу идет.

Идет-проходит павою
По берегу реки
И рвет рукою правою
Ромашки лепестки

Плывет в траве до пояса,
Гадает про меня.
И тают оба полюса
От нашего огня.

По капле время точится
И просветляет нас.
И мне до смерти хочется
К той девочке сейчас.

Взглянуть бы в очи-проруби,
Поймать бы синий взгляд...
Да не летают голуби
На сорок лет назад.

1975

* * *

The wave rings out in circles,
And sings among the reeds.
And a maiden by the river
Along the bank proceeds.

She passes like a peacock
Along the bank, so proud,
Her right hand dreamily plucking
A daisy's petals out.

She floats through waist-high grasses –
He loves me, loves me not –
While both the poles are melting
From our love so burning hot.

Time wears the stone by droplets,
Lights up for us the shade.
And ere I die, I'm longing
To go now to that maid.

To gaze in eyes a-melting,
To catch their blue a-glow...
But pigeons don't fly backwards
To forty years ago.

1975

Малинником диким зарос откос
Над поворотом реки.
Сладчайший запах твоих волос
Коснулся моей щеки.

Мир, который нас окружал,
Малиной спелой пропах.
Губ твоих малиновый жар
Растаял в моих губах.

И через души прошли века,
А может быть, только миг.
Потом в океан унесла река
Твой просветленный лик.

Неведомо мне, на какой волне
Время оборвалось,
Но все еще снится моей седине
Ветер твоих волос.

1975

* * *

The slope was o'ergroun with wild raspberry canes
Above a wide sweep in the stream.
The sweetest aroma of your hair
Brushed my cheek, like a dream.

The world which encircled us round about
With the smell of ripe raspberries dripped.
Your parted lips' red raspberry warmth
Melted upon my lips.

And through my soul the centuries passed,
Or maybe one moment took place.
Then after, the river transported away
To the ocean your radiant face.

It remains unknown to me, on which wave
Time met a sudden end,
But still to my hoary head in dreams
The breeze of your hair extends.

1975

ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Перетряхнешь, объехав свет,
Воспоминаний ворох ты,
Но ничего на свете нет
Милее речки Молохты.

Среди осок и щавеля
Дивлюсь на это диво я,
Бормочет, дудки шевеля,
Ее струя игривая.

Скользит, как тень из-под крыла,
Из мха болота древнего.
На берегу ее была
Моя деревня Клевнево.

Там мама к дому через луг
Кривой тропинкой с бережка
Плыла, раскинув крылья рук
По коромыслу бережно.

Стройна, красива и добра,
Как новый день с обновою.
И я из полного ведра
Пил воду родниковую.

Мой век – не прост и путь – не мал.
И, на судьбу не сетуя,
Я пел, любил и воевал,
И странствовал по свету я.

В осуществлении затей
Понасмотрелся всякого

AFTER RETURNING

You'll shake up, having seen the world,
A thousand things in memory,
But there's nought better on this earth
Than my fine stream, dear Molokhta

Among the slopes and sorrel-leaves
I gaze on it amazedly.
It murmurs, stirs its reedy pipes,
Its current flowing playfully

It slips, like shadow from a wing,
From the moss of marsh and quagmire so.
Upon its banks in boyhood stood
My native village Klevnevo

There mama came home across the field
By a crooked path, so airily,
She floated, arms stretched out like wings,
Holding the yoke so carefully.

She was slender, beautiful, and kind,
Like new day with fresh finery,
And from the brimming bucket I drank
Spring water, pure and primary.

My life was hard, my road was long.
I faced fate uncomplainingly.
I sang, I loved, I worked, I fought,
And travelled unrestrainedly.

In realisation of my aims
I saw things rare and plentiful.

Скупа надежда у людей
И горе одинаково.

Разведены материки
Морщинами по темени.
И есть судьба моей реки
В реке судеб и времени.

И снится мне родной очаг,
Как жажда жизни сущая,
И с коромыслом на плечах
Мать, от реки идущая.

1976

The people's hopes were very few.
Their many woes – identical.

The continents were cast apart
By furrows in deep obscurity.
There runs the fate of my small stream
In the stream of fate and futurity.

I dream about my native hearth,
Like life's real thirst a-harassing,
Of mother coming from the stream,
The bucket-yoke a-balancing.

1976

ВЯЗОСКОВО

Порой тоска житейской прозы
Нас держит крепче якорей.
...Грустит сирень. Пасутся козы
Над прахом матери моей.

Могила стоптана. Ограда
Растащена по кирпичу.
Что мне на этом месте надо?
Чего ищу? Чего хочу?

Я – здесь! Но я уже не здешний
Здесь все забыло про меня,
Пока я шел сквозь ад кромешный
Двух войн, блокады и огня.

Пока среди сестер и братий
В кровавом месиве дорог
Я душу матери растратил
И эту память не сберег.

Я выйду в рожь. В родное поле.
В седое, как мои виски.
И, рухнув, выплачу на воле
Всю горечь страха и тоски.

И может быть, из сердца прянут
Слова, как птицы из силка,
И мне в глаза мои заглянут
Два материнских василька.

1976

VYAZOSKOVO

At times the tedium of life's prose
Firmer than any anchor ties.
...The lilac mourns. They feed the goats
Above the dust where mother lies.

The grave's trod down. The boundary
Is pulled asunder, robbed of bricks.
What does this place now mean for me?
What do I seek? What do I wish?

I'm home! But I don't fit in well.
They've all forgotten about me here,
While I passed through the utter hell
Of two fierce wars, blockade and fire.

With sisters and brothers of the day
In the bloody mash, on roads of war,
My mother's soul I frittered away,
And this memorial lost therefore.

I'll go to my familiar field.
The rye is grey. My temples too.
Falling, I'll weep, to sorrow yield
In bitterness of fear and woe.

And, maybe, from my heart will chance
Some words, like birds out of a snare,
And straight into my eyes will glance
Two motherly cornflowers shining there.

1976

* * *

Прошедших лет смыкается кольцо.
На перекрестке запевает вьюга.
Но светит мне одно твое лицо
Там, в середине жизненного круга.

Так за Полярным кругом иногда
На горизонте ветреном и рваном
Горит одна Полярная звезда
Над мертвым Ледовитым океаном.

1976

* * *

The circle of the bygone years is closed.
Above the crossroads sings the snowy whirlwind.
But still for me there shines your face alone,
There, in the centre of the vital circle.

And so beyond the Arctic Circle far,
Upon the torn and tempest-lashed horizon,
There shines alone one guiding Polar Star
Above the lifeless ice of the Arctic Ocean.

1976

* * *

Прошедших лет смыкается кольцо
На перекрестке запевает вьюга.
Но светит мне одно твое лицо
Там, в середине жизненного круга.

Так за Полярным кругом иногда
На горизонте ветреном и рваном
Горит одна Полярная звезда
Над мертвым Ледовитым океаном.

1976

TO B B PIOTROVSKY

The amber of autumn reflects Galents's* palette
In a circle huddles the mountains' blue caravan.
The heavens are high, and more carefree than smiles of an infant,
The eternal road crawls from Garni to Yerevan.

Here to yellow sand-grains are pounded the bones of the ages.
Here blood is petrified. Boundary on boundary is laid
Here barbarians marched. And guests have passed by, and the centuries.
And I on the bones of those powdered centuries stride.

I walk, and I stumble on outcrops of cries and anguish
From overgrown ruins of relentless tempests of time
I walk in amaze at the road of freewill and of knowledge,
At death-conquering song, the persistence of grain and the vine.

Here the memory of earth, from humanity's suffering grows silent.
With the revelation of ages my memory chafes.
But the sky is so clear, and the sun of Ptolemy's century
From the future century pierces my soul with its gaze.

1976

* A modern Armenian painter – *Tr.*

Б. Б. ПИОТРОВСКОМУ

Янтарная осень играет палитрой Галенца.
В кольцо замыкается гор голубой караван.
Высокое небо беспечней улыбки младенца.
Дорога, как вечность, ползет из Гарни в Ереван

Здесь в желтый песок перемолоты времени кости
Здесь кровь каменела. Ложилась межа на межу
Здесь варвары шли. Проходили столетья и гости
И я по костям перетертых столетий хожу.

Иду, спотыкаясь о выступы крика и боли
Заросших развалин времен неотступной грозы.
Иду, удивляясь дороге познанья и воли,
Бессмертию песни, упорству зерна и лозы

Здесь память земли, от людского страданья немея

Мне память мою откровеньем веков бередит.
А небо прозрачно, и солнце времен Птолемея
На душу мою из грядущего века глядит.

1976

TO B B. PIOTROVSKY

The amber of autumn reflects Galents's* palette.
In a circle huddles the mountains' blue caravan.
The heavens are high, and more carefree than smiles of an infant,
The eternal road crawls from Garni to Yerevan.

Here to yellow sand-grains are pounded the bones of the ages.
Here blood is petrified. Boundary on boundary is laid.
Here barbarians marched. And guests have passed by, and the centuries.
And I on the bones of those powdered centuries stride.

I walk, and I stumble on outcrops of cries and anguish
From overgrown ruins of relentless tempests of time.
I walk in amaze at the road of freewill and of knowledge,
At death-conquering song, the persistence of grain and the vine.

Here the memory of earth, from humanity's suffering grows silent.
With the revelation of ages my memory chafes.
But the sky is so clear, and the sun of Ptolemy's century
From the future century pierces my soul with its gaze.

1976

* A modern Armenian painter.—*Tr.*

В ИЗГОЛОВЬЕ ДРУГА

Я С

Что испытал он? – Дрожь по коже!
Как цел остался? – Не пойму!
Когда узнаешь, скажешь: – Боже,
За что же столько одному.

Его четырежды Иуда
Каяфе продал за гроши.
А он искал земного чуда
Любви в окрестностях души.

И вслед за ней дорогой звездной
Ушел в неведомую даль.
И сожалеть об этом поздно.
Кому нужна моя печаль...

1976

AT THE HEADSTONE OF A FRIEND

To Y S.

What did he suffer? I just shudder!
How did he live? I can't understand!
But when you know, you'll say:
"My God, then,
Why so much laid on one poor man?"

Judas four times betrayed and sold him,
For a few groats to Caiaphus stole.
But he was seeking an earthly wonder
Of love in the neighbourhood of the soul

He followed love to the farthest star
And travelled to an unknown bound.
For pity it's too late by far
Who needs my sorrow beneath the ground?...

1976

В ИЗГОЛОВЬЕ ДРУГА

Я. С.

Что испытал он? – Дрожь по коже!
Как цел остался? – Не пойму!
Когда узнаешь, скажешь: – Боже,
За что же столько одному.

Его четырежды Иуда
Каяфе продал за гроши.
А он искал земного чуда
Любви в окрестностях души.

И вслед за ней дорогой звездной
Ушел в неведомую даль.
И сожалеть об этом поздно.
Кому нужна моя печаль...

1976

AT THE HEADSTONE OF A FRIEND

To Y S

What did he suffer? I just shudder!
How did he live? I can't understand!
But when you know, you'll say:
"My God, then,
Why so much laid on one poor man?"

Judas four times betrayed and sold him,
For a few groats to Caiaphus stole.
But he was seeking an earthly wonder
Of love in the neighbourhood of the soul.

He followed love to the farthest star
And travelled to an unknown bound.
For pity it's too late by far.
Who needs my sorrow beneath the ground?...

1976

* * *

Ах, как рифмует лето
Искусною рукой
Румяного ранета
Щеку с твоей щекой.

Как, движимое кодом
Особого труда,
Спешит по переходам
От корня до плода

И связывает звенья,
И закрепляет суть.
А путь преображенья
Уходит в Млечный Путь.

1976

* * *

Ah, how the summer is rhyming!
What a skilful hand here is shown.
With the ripe and rosy pippins,
With their cheeks close to your own!

As, prompted by the canons
Of its own particular toil,
It hastens along the crossings
To the fruit from the roots in the soil.

And links all together soundly,
And strengthens the core each day,
While the road of the transformation
Reaches the Milky Way.

1976

ПОД ВЕЧЕР

На берегу моей реки
У самого истока,
Как туча на одной ноге,
Сосна стояла в детстве.
И я любил играть весной
В ее тени прохладной.
И забирался на ее
Косматую вершину,
И видел лес, со всех сторон
Идущий на деревню,
И убегающую вдаль
Старинную дорогу.
Я не остался. Я ушел.
Один по той дороге,
Как все уходят от себя,
Чтобы к себе вернуться.
Я шел к закату от моей
Сосны, шумящей в небе.
И к ней обратно подхожу
Со стороны рассвета.
Со мной судьба моих надежд
И разочарований
И сердце, верное корням
Людской любви и песни.
Ну что ж! Звени, моя река,
Своей струею чистой,
Седое сердце освежи
И дай мне счастье верить
На этом старом берегу,
Под старою сосною,
Что долгий путь моих страстей
Был не напрасен...

1976

TOWARDS EVENING

Upon the banks of my old stream
Right at the very spring-head,
Like a dark cloud upon one leg
There stood a pine in childhood.
And how I loved to play in spring
Beneath its cooling shadow,
And how I loved to climb above
Into its shaggy summit.
I saw the forest, from every side
Creep up upon our village,
And in the distance, as it ran,
The very ancient highway.
I did not stay. I packed and went
Alone upon that highway,
As all depart once from themselves
To find themselves returning.
I went towards the setting sun
From my pine in wide skies rustling,
And I returned to it again
From the side where the sun was rising.
With me the fate of all my hopes
And all my disappointments,
My heart, still true to its old roots
Of human love and verses.
What then? Ring out my childhood stream
With your translucent current,
And my old hoary heart refresh,
And let me trust in the future
Upon that old familiar bank
Beneath my aged pine-tree,
And that my passion's lengthy road
Not uselessly I travelled...

1976

* * *

Я подтверждаю песней спетой,
Допив вечернее вино,
Что ничему из жизни этой
Уйти уже не суждено.

Сначала в рост идет пшеница,
Чтоб вызреть в колосе зерном.
И все, что было, повторится
На этом празднике земном.

Был праздник – весел. Труд – упорен.
Друзей – прекрасны имена.
И горсти две отборных зерен
Оставлены на семена.

Живи, причастный к вечным требам,
Дивись, как этот мир хорош.
Рифмуй пока «под небом» с «хлебом» –
Точнее рифмы не найдешь.

А в день весеннего посева
Душа, своей судьбе верна,
Без сожаления и гнева
Замкнет великий путь зерна.

1976

* * *

I thus confirm the song I've sung,
Having now drained my evening wine,
That nothing in this life begun
Is doomed to go before its time.

At first the grain begins to grow,
To ripen seeds within the ear.
And all which has been starts anew
Upon this earthly festival here.

The feast was merry. The toil was tough,
The friends—of many a splendid name.
And a couple of handfuls of chosen stuff
Were set aside to be sown again.

Then live, and share the eternal thread,
And wonder at this world so fair.
And rhyme "the sky o'erhead" with "bread",
You will not find a better pair.

And when that springtime seed is set,
Your soul will true to fate remain,
Without complaint, without regret
Will close the great road of the grain.

1976

* * *

Before attuning herself to the well-strung lyre,
Beneath the slanting streams in the autumn air,
Poetry went a-walking through the stubble
Of human fortune with her feet all bare.

And see, the role of life having taken over,
A meagre squanderer of her personal fate,
She now begins to speak, to her own suffering
Stepping slowly here with blood-stained feet.

1977

ДЕРЕВО ДЛЯ АИСТА

И. И. Сл[illegible]

Сама земля дивится урожаю.
И перед этой щедростью в долгу,
Я маленькое деревцо сажаю
У речки на покатом берегу.

Пускай оно, вытягиваясь к небу,
Растет и зеленеет в высоте
Признательностью жизни, на потребу
Ее неповторимой красоте.

Разбуженное песней петушиной,
Пускай оно проснется поутру
И зашумит кудрявою вершиной,
Перебирая листья на ветру.

Пускай оно защитою от грома,
И молнии, и гибели самой
Когда-нибудь пригодится для дома
Двум аистам, вернувшимся домой.

1977

A TREE FOR THE STORKS

To N. I Sladkov

The earth herself's amazed at her own harvest.
And, standing before that bounty in deepest debt,
A little sapling tree I here am planting
Beside the river, on sloping bank-side set.

And may it later, stretching up to heaven,
Grow green and spread itself there in the height,
A sign of gratitude to life, at the disposal
Of her inimitable beauty, blooming bright.

And to the song of village cocks a-crowing,
May it at early morningtide awake,
And with its curly crown begin to rustle,
As in the breeze its leaves it starts to shake.

And may it serve as shelter from the thunder
And lightning, death itself, or shower of rain,
And sometime as a nesting-place be chosen
By a pair of storks, returning home again.

1977

ДЕРЕВО ДЛЯ АИСТА

Н. И. Сладкову

Сама земля дивится урожаю.
И перед этой щедростью в долгу,
Я маленькое деревцо сажаю
У речки на покатом берегу

Пускай оно, вытягиваясь к небу,
Растет и зеленеет в высоте
Признательностью жизни, на потребу
Ее неповторимой красоте.

Разбуженное песней петушиной,
Пускай оно проснется поутру
И зашумит кудрявою вершиной,
Перебирая листья на ветру.

Пускай оно защитою от грома,
И молнии, и гибели самой
Когда-нибудь приглянется для дома
Двум аистам, вернувшимся домой.

1977

A TREE FOR THE STORKS

To N I. Sladkov

The earth herself's amazed at her own harvest.
And, standing before that bounty in deepest debt,
A little sapling tree I here am planting
Beside the river, on sloping bank-side set.

And may it later, stretching up to heaven,
Grow green and spread itself there in the height,
A sign of gratitude to life, at the disposal
Of her inimitable beauty, blooming bright.

And to the song of village cocks a-crowing,
May it at early morningtide awake,
And with its curly crown begin to rustle,
As in the breeze its leaves it starts to shake.

And may it serve as shelter from the thunder
And lightning, death itself, or shower of rain,
And sometime as a nesting-place be chosen
By a pair of storks, returning home again.

1977

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Умирает озеро лесное,
Зарастая камышом и тиной.
С каждым годом все темней и уже
Смертью обреченное пространство
Аспидной бездонности воды.

Озеро уходит в глубину,
Закрываясь, словно глаз. И тайна
Времени уходит вместе с ним
В темные земные переходы,
В кладовые памяти земной.

Что же ты увидела, Земля,
Если закрываешь око жизни,
Отвращая взор своей души
От вселенной и от глаз моих,
Вопрошающих твои глубины?

Ты молчишь? А может быть, об этом
Мне расскажет птичка камышовка,
Что свила свое гнездо бесстрашно
На твоей ресничке-камышинке
Над бездонной аспидной водой?

Может быть, она поет об этом
Голосом, как паутинка, тонким
Песенку?.. Но я не понимаю
Языка ее души?.. А жаль!

1977

ON THE SHORE OF THE LAKE

A forest lake is very slowly dying,
Overgrown with rushes and rotting slime.
Every year it's narrower and darker,
This expanse now foreordained to die,
This dark pit of slatey-coloured water.

So the lake retreats into its depths,
Slowly closing, as it were, its eyes
Time's old secret is departing with it
Into gloomy earthly changing-overs,
Into earth's great store of memories.

What is it you've seen, then, Mother Earth,
If you close like this the eye of life,
Turning away the gaze of your great soul
From the whole universe, and from my eyes,
Questioning silently your inner depths?

You stay dumb? But maybe on this subject
This small reed-warbler now will tell me all,
Since she has fearlessly twined her little nest
On your lashes of sedge and rushes standing
O'er the dark pit of slatey-coloured water?

Maybe she will sing about it all
In her voice as fine as a spider's cob-web,
Her little song?... But I don't understand
The language of her soul?.. Ah, what a pity!

1977

ЖЕЛАНИЕ

О дай мне, жизнь, желание желать,
В желаемом желанье оживать

И подобрать к желанью научи
Разумной бережливости ключи.

И не лишай умения иметь
Желание за друга умереть,

И награди до рокового дня
Терпением и мужеством меня.

1977

THE WISH

Oh, give me, life, the wish to wish amain,
And in the wished-for wish to live again,

And teach me in my wishing to find the key
To a sensibly restrained economy,

And don't deprive me of the ability
To wish to die for others, if need be,

And recompense me, till the fatal day,
With patience and with courage on my way.

1977

* * *

Гроза подкрадывалась и грозила
Все кверху дном перевернуть внизу,
Но чья-то удивительная сила
Рассеяла и отвела грозу.

Вздохнув легко, прошелестели вязы,
И, тишиной внезапной удивлен,
Как дирижер, на половине фразы
Под фонарем остановился клен.

И сам к себе прислушался, во власти
Доверчивости мира без границ.
И ночь сверкнула откровеньем страсти
Из-под чуть-чуть приподнятых ресниц.

1977

* * *

The thunderstorm crept up and loudly threatened
To turn the whole surroundings upside down,
But someone's marvellous and miraculous forces
Dispersed the thunderstorm, drove off its frown.

And sighing lightly, elms began to rustle,
And, struck by sudden silence in the wood,
Like a conductor half-way through a cadence,
Beneath the headlights, there a maple stood,

And listened to itself, caught in the power
Of this world's trustfulness, beyond surmise.
And night gleamed with the revelation of passion
Beneath the scarce-raised lashes of her eyes.

1977

РЫЖИЙ КОНЬ НА СКОШЕННОМ ЛУГУ

Не приказа ради, не в услугу,
А своею волей, как хотел,
Рыжий конь по скошенному лугу
Без узды и всадника летел.

Влажный глаз его блестел, как слива,
Как труба переливался хвост,
И струилась, завиваясь, грива
С бесшабашным ветром вперехлест.

И душа коня была открыта,
И закат был розов, как ранет.
И стучали легкие копыта
Деревянным стуком кастаньет.

День иль жизнь готовились к уходу
У седого времени в долгу, –
Рыжий конь скакал себе в угоду
На зеленом скошенном лугу.

1977

THE CHESTNUT COB UPON THE NEW-MOWN MEADOW

Not to order, and in no one's service,
But of his own will, as he wanted to,
A chestnut cob upon the new-mown meadow,
With no bridle and no rider flew.

Moist his eye just like a plum was shining,
Like a trumpet curved and flowed his tail,
And his mane went streaming and a-waving,
Lashing with the ceaseless wind a-flail.

The horse's soul was open, liberated,
Sunset was like a pippin, rosy-red,
And his light and flying hooves went beating
Like the wooden clap of a castanet.

Day or life prepared for its departure,
To old grey-beard Time already in debt –
The chestnut cob went galloping at his pleasure
On the green and new-mown meadow fled.

1977

ЛИСТЬЯМ ВДОГОНКУ

Ты уходишь. Ну что ж! До свиданья. Спеши.
Торопись понемногу.
А стихи – облетевшие листья души –
По дороге. В дорогу

За тобою! За песней сомнений твоих.
До предела дороги.
Безысходностью горечи счастья двоих
Пересудам под ноги.

По колючей стерне, и по голым кустам,
По суглинку – вдогонку!
Из-под ног пешеходов – к пустым небесам!
Преисподней в воронку!

Ты уходишь. Ну что ж! До свиданья. Прости!
Не пеняя на случай.
Соберись и себя от себя отпусти
И тревогой не мучай.

Это лето нас вместе сводило с ума
Медуницей и мятой.
Только ты никогда пред собою сама
Не была виноватой.

IN THE TRACK OF THE LEAVES

You're departing. Well, then! Fare you well.
And make haste.
Just a bit you must hurry.
But my lines lie–like leaves from my soul blown away–
On your road. On the highway,

Close behind! In the track of your doubt's song
they blow.
To the end of your highway.
With irreparable gall of the happiness of two
'Neath the gossips' feet lying.

Past the prickly stubble, and past the bare trees,
Past the loam–in your traces!
From beneath people's feet passing by–to bare skies!
Into hell's very crater!

You're departing. Well, then! Fare you well.
And forgive!

Not complaining of fortune,
Take and let yourself, freed from yourself learn to live,
By anxiety not tortured.

This last summer drove both of us out of our minds
With its mint and its borage.
But you never were guilty before your own eyes,
To your conscience and knowledge.

Ты уходишь. И мир неуютен и гол,
Без огня и ночлега.
Но ликует души обнаженный глагол
В ожидании снега.

1977

You're departing. The world's without comfort,
and bare,
Without fire, or shelter.
But my soul's naked word is rejoicing here
Waiting snow helter-skelter.

1977

ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ

Стихи из Португалии

АКВАРЕЛЬ

Беленый дом под красной черепицей
Над утренней туманною водой
Четвертый век в глубинах тайных снится
Всем обрученным с бурей и бедой.

Их погребли награбленного груды,
Их проклял дьявол и оставил бог,
Их черепа, как алчности сосуды,
Обходит стороною осьминог.

Над океаном нестерпимо синий
Высокий мост выстраивает день.
И на песок кривые руки пиний
Беспомощно отбрасывают тень.

ОТКРЫТКА ИЗ ПОРТО

Окно на скате черепичной крыши
Распахнуто. Промытое белье
Колышется, как занавес небесный.
А там, за подоконником, полна
Задумчивой тревоги, одиноко
И неподвижно женщина сидит.
Воскресный день шумит внизу базаром –
Торгуется, смеется и поет.
А женщина сидит, как изваянье,
И смотрит вдаль сквозь тысячи веков.
Сидит одна. И всем ушедшим в море
Ее глаза мерещатся. И вечность
Зеленою оливой шелестит.

WESTERN SHORE

Verses from Portugal

AQUARELLE

The white-washed house beneath its bright red tiles
Above the morning mist where waters flow
A quarter-century in secret deeps meanwhile
Dreams of all those betrothed to storms and woe.

They were buried by heaps of stolen gold,
They were cursed by the Devil, by God denied,
Their hollow skulls, like vessels of grabbing greed,
The octopus leaves avoided on one side.

Above the ocean waves unbearably blue
A lofty bridge lines up on parade the day.
Across the sand the pines with arms askew
Helplessly cast their shadows on the way

POSTCARD FROM OPORTO

A window on the sloping red roof tiling
Thrown open. And the linen on the line
Is gently waving, like a heavenly curtain
But there, behind the window-sill, and full
Of pensive apprehensiveness, and lonely,
And motionless, a waiting woman sits.
It's Sunday, but the loud bazaar below her
Is haggling, laughing, full of noisy song.
But still the woman sits, just like a sculpture,
And gazes far through a thousand centuries long.
She sits. And all who've sailed off o'er the ocean
Swarm to her eyes. And like a dark green olive
Eternity whispers, whispers in her ear.

ВИД С БЕРЕГА

В океан глядят с обрыва
Освещенные грозой
Оловянная олива
С виноградною лозой.

И, полны зеленой мощи,
Закрывают небеса
Эвкалиптовые рощи
И сосновые леса.

И, ступая пашней тяжко,
Выше всякой похвалы
Тянут древнюю упряжку
Полем мудрые волы.

Только острой костью в глотке,
Заводной грозя бедой,
Перископ подводной лодки
Над седой торчит водой.

ПОПЫТКА ОБЪЯСНЕНИЯ

В тени условной чести
Мы без пути кружим.
Вдвоем – чужие – вместе
И все свое – чужим.

И подошла к пределу
Опасная игра.
Где взять душе и телу
Доверья и добра?

Жизнь, выбившись из круга,
Куда-то утекла.
И нету друг для друга
Взаимного тепла.

VIEW FROM THE SHORE

On the ocean from the cliff-top,
After the rain-storm, fresh and fine,
Gaze a pewter-coloured olive
And a tender-tendrilled vine.

Also full of verdant power,
Covering half the sunny skies,
Eucalyptus groves are growing,
And the forest pines arise.

Stubbornly the hard soil tramping,
And above all earthly praise,
Through the field the wise yoked oxen
Pull the plough as in ancient days.

But, like a bone in one's gullet sticking,
Threatening technical woe, I see
The periscope of a submarine vessel
Sticking out from the grey-haired sea.

ATTEMPT AT EXPLANATION

In the shade of daily honour
We circle without a road.
A pair of strangers together,
Our all on a stranger endowed.

And right to the very limit
This dangerous game has thrust.
Say, where for one's soul and body
Can one find some kindness and trust?

Our life, knocked out of its orbit,
Is somewhere lost in the mists.
And now for one another
No mutual warmth exists.

ВОЗВРАТА НЕТ

Все начинается с обрыва
На поединке двух начал,
Там, где волны седая грива
Летит на каменный причал.

И старый парус рвется с места,
И нет скитанию конца,
И неизвестность, как невеста,
Ждет обручального кольца.

И от тепла родного крова
Зовет в полуночной тиши
Надеждой берега другого,
Как песней сродственной души.

И мир спокойствия – несносен.
И ветер скорости – поет.
Судьба снимает руки с весел
И переходит на полет

Летит орбитою пологой
Иных галактик и планет.
И всем плененным той дорогой
Возврата нет, возврата нет!

ЗАКАТ НА АТЛАНТИКЕ

Медлительно входило
Сквозь розовый туман
Багровое светило
В лиловый океан.

Страданье мирозданья
Ложилось пласт на пласт,

THERE'S NO RETURN

It all begins from the sheering headland
At the duel between two elements fought,
There, where the grey mane of the breakers
Beats on the quay of granite wrought.

The ancient sail breaks from its moorings,
To its wanderings there's no end in sight,
And the unknown, like a bride, is waiting
The betrothal ring on her wedding night.

And from the warmth of its native shelter
Through the midnight silence it sends its call,
With hope of another shore in the distance,
As if the song of a kindred soul.

Unbearable grows the world of calmness.
The wind of speed sings out in the night.
Fate takes her hand from the steering rudder
And changes over to cosmic flight.

It flies afar on its sloping orbit
Where other planets and galaxies burn.
For all by that road captivated
There's no return, there's no return!

SUNSET OVER THE ATLANTIC

So slowly and stately entered
Through the rosy mist outspread
The crimson orb of daylight
Its lilac ocean bed.

The suffering of the universe
In layer on layer slept.

И о тщете познанья
Рыдал Екклесиаст.

И я смотрел и видел
В пустыне райских врат
Сегодняшнего гибель
И прошлого возврат.

И новое начало
Путей из тупика
О будущем кричало
В минувшие века.

И был я в мире этом
В тот миг не удивлен
Во мне горевшим светом
Всех жизней, всех времен.

ОТКРЫТКА В ЛИССАБОН

Мне вдалеке приснится черный
Платок над сумраком бровей
И взгляд тревожный и упорный,
Промытый солью всех морей.

И лик твой смуглый, как икона,
Как бы окутанный в туман.
И с европейского балкона
Открытый взгляду океан.

И в старом парке старый терем,
Седая гордость и почет.
Где всем грехам и всем потерям
Давным-давно потерян счет.

Там, где алмазы из Анголы
Из-под полы ушли в размен,
Где громко новые глаголы
Вошли под своды старых стен.

Of the vanity of knowledge
Ecclesiasticus wept.

And I looked on and witnessed
At heaven's gates, in the waste,
The destruction of the present,
The departure of the past.

And another new beginning
To the way *from the cul-de-sac*
Cried out about the future
To the centuries at my back.

And in this world of wonder
In that moment was not amazed
By that light of all life, and all ages
Which bright within me blazed.

POSTCARD TO LISBON

O'er dusky brows, far in the distance,
A black shawl draped I see in dreams,
A look alarming and persistent,
Washed by the salt of seven seas.

Your face is swarthy, like an icon,
As if a mist its lines evolves,
And from a balcony European
On open view the ocean rolls.

In the old park, in an old garret
Lives grey-haired pride and self-respect.
Where long ago the count miscarried
Of all past sins and losses kept.

There, where concealed Angolian diamonds
From 'neath the floor in barter fall,
New words of action, breaking silence,
Have entered the arches of ancient walls

И, раздвигая мрака своды,
Запел возвышенно орган,
И древним голосом свободы
Ему ответил океан.

1978

The gloom of vaulted walls defeating,
And organ sang out clear and high,
And in the age-old voice of freedom
The ocean echoed in reply.

1978

МАТЕРИНСКИЙ КРЕСТ

Ушел я из родительского дома
Мальчишкою одиннадцати лет.
Осенний дождь, как серая солома,
Прошел за мной и смыл горючий след.

Затушевал за рощею окольной
Тоску и горе изначальных мест:
Ворон над вязосковской колокольней
И над могилой материнской крест.

На берегу судьбы людского моря
Я своего не строил шалаша, –
А радости преодоленья горя
Училась в море грешная душа.

Когда ж кончались воля и терпенье
И гибель караулила окрест,
Передо мною – как благословенье
Вставал над бездной материнский крест.

1978

MOTHER'S CROSS

I left my old parental home that day
As a mere lad of only eleven years.
The autumn rain came down, like straws of grey,
My washed-out tracks behind me disappeared.

It veiled behind the birch-grove round about
The yearning and the grief of native spots.
Some crows on Vyazoskovo belfry sat,
And on a grave there stood my mother's cross.

Upon the ocean-shore of human fate
I did not build a tent to shelter me—
The joy of overcoming sorrows great
My sinful soul learned on the open sea.

And when my will and patience came to an end,
And on the watch all round were ruin and loss,
Before me, as a blessing, to defend,
Above the abyss I saw my mother's cross.

1978

СТИХИ ПЕРЕД ТАТАРНИКОМ

А. А. Мыльникову

Мне старый друг привез из-под Гранады
Сухой цветок татарника, как память
О Федерико Лорке. О поэте,
Убитом темной ночью палачами
И тайно захороненном, да так,
Что и сама Испания не знает,
В своей тоске о светлой песне, где
Лежит ее расстрелянная нежность.

Вот я держу колючее растенье
В руке, как память о нежнейшей песне,
Как совести и горькой правды знак.
Я думаю: и я прошел солдатом
Сквозь две войны по оскверненной смертью
И ненавистью страждущей земле.
Я вспоминаю зимний серый день,
И снег, и пепел, смешанный ногами
Идущего на запад наступленья,
И женщину, с убитой жизнью в мертвом
Проколотом штыками, животе.

Я думаю и вижу, как толпа
В неистовстве орет на стадионе,
Тореадора чествуя. А он
Стоит, раскинув руки, словно крест
Испании, над тушею быка,
И белая, как справедливость, роза
У ног его краснеет на песке,
И женщина, прекрасная как роза,
Бледнея, улыбается ему.

VERSES BEFORE A THISTLE

To A. A Mylnikov

My old friend brought me from around Granada
The dried head of a thistle, in memory
Of Federiko Lorka. Of a poet,
Butchered by bloody headsmen one dark night,
And buried secretly, and in great haste,
So that all Spain itself still does not know,
In its despair and yearning for bright songs,
Just where her shot-down tenderness now lies.

Here in my hand this prickly thistle I hold
In memory of the tenderest of songs,
As token of conscience, and of bitter truth.
I think: And I went as a soldier too
Through two wars, and through desecrating death,
Through hatred, suffering on this mortal earth.
And I remember one grey winter day,
The snow and ashes trampled underfoot
As we went westward into the attack,
A woman, and the child within her womb,
Stabbed in the belly with many a bayonet thrust.

I think, and now remember how the crowd
In fury at the bull-ring scream and shout
In honour of the toreador. While he
Stands there, arms wide, legs wide, just like
the cross
Of Spain, above the carcass of the bull,
And see a rose, as white as justice, there
Before his feet grows red upon the sand,
And one young woman, lovely as the rose,
Grows white, and gives him an approving smile.

Сухой цветок татарника колюч,
Как правда, от которой не уйти.
Ну что ж! Терзай мое седое сердце
Бессмертными и острыми шипами,
И пусть оно кричит, кровоточа,
На целый мир: что ненависть бесплодна
И кровь рождает только кровь...

1978

The dried head of the thistle is full of thorns,
Like truth from which there now is no escape.
Well, then! Pierce my old grey fading heart
With your immortal needle-pointed spines,
And as its red blood flows, then let it scream
O'er *all the world, that hate's a sterile thing,*
And bloodshed only leads to shedding blood...

1978

РАЗГОВОР ВСЛУХ

В твоей душе, как в капле океана,
Весь океан. Ты родственна всему:
Земле и небу, августовским звездам
И стынущей под звездами траве.

Ты – мать моя, жена моя и песня,
Зовущая за дальний горизонт
Познания непознанного мира.
Ты размыкаешь вечные круги
Прекрасной и непостижимой жизни.
Ты открываешь зрение и слух
Входящему на праздник продолженья
И закрываешь веки навсегда
В пустыню уходящему желанью.

Ты – светлая игра воображенья
Блуждающего в мире миража
Над встречею печали и тревоги
Прошедшего с Грядущим.
Ты живешь
В моей тоске прозренья моего.

Мне снится сон. Я сплю в осеннем поле
Под яблоней, щекою прижимаясь
К твоей груди, и яблоки, как слезы,
Стучатся в грудь мою, стекая с кроны,
Закрывшей небо... Или это сердце
Стучит мое и мается во сне?..

1978

CONVERSATION ALOUD

Within your soul, like a drop within the ocean,
Is the whole ocean. You are akin to all:
To earth and heaven, and August constellations,
And to the grass a-freezing 'neath the stars.

You are my mother and wife, you are that song
Which calls to me beyond the far horizon
Of the true knowledge of the unknowable world.
You break the circuit of the eternal circle
Of beautiful and unattainable life.
You open up the vision and the hearing
Of one who goes to the feast of procreation,
And close the tired lids for evermore
Of old desire departing to the desert.

You are the brilliant play of imagination
A-wandering in the wonderland of mirage
Above the meeting of sorrow and alarm
Of Past with Future.
Furthermore you live
In the distress of my new-found perception.

I see a dream. I sleep in an autumn field
Beneath an apple-tree, and press my cheek
Upon your breast, and apples fall like tears,
And beat upon my heart, fall from the crown
Which hides the skies... Or is it just my heart
Which beats aloud, and hammers hard in sleep?...

1978

НАДПИСЬ НА РУКОПИСИ

Нельзя дышать одним стихом
И заниматься голой школой
Седлай Пегаса и – верхом,
Подогревая скорость шпорой,
Лети! Дорога далека,
И книга жизни не открыта, –
Или звездой за облака,
Иль мелкой пылью под копыта!

1978

INSCRIPTION ON A MANUSCRIPT

One can't subsist on verse alone
And study only the rules of school.
So saddle Pegasus – get you gone,
Speed him with spur, don't let him cool,
So fly! Ahead there rolls the road,
Your book of life's not yet revealed –
Either a star above the cloud,
Or powdered dust 'neath iron-shod heels!

1978

СПОЛОХ

Ах, как играет этот Север!
Ах, как пылает надо мной
Разнообразных радуг веер
В его короне ледяной!

Ему, наверно, по натуре
Холодной страсти красота,
Усилием магнитной бури
Преображенная в цвета.

Он пестрой музыкой на лире
Самой вселенной лепит лик.
И смотрит в небо на Таймыре
Новорожденный Овцебык.

Ему с пушистой шкуры стужу
Сдувают старые скоты
И брата мамонта наружу
Зовут из вечной мерзлоты.

Но в вечном мире все невечно,
Хотя он крепок, как самшит,
А мамонт по Дороге Млечной
К Большой Медведице спешит.

В его костях бунтует сила.
В его глазах сверкает цель.
Он крутит хоботом светила,
Как заводную карусель.

Давно в пустыне мира грозной
Он от серьезного оглох.
И пляшет в воздухе морозном
Цветных страстей переполох.

1978

NORTHERN LIGHTS

Ah, how the north with light is playing!
Ah, how o'erhead comes gleaming down
The fan of diverse-fashioned rainbows
Which constitute his icy crown!

The polar beauty's frigid passion,
Transformed into irradiant light
By wild magnetic storm's fierce power,
Is to his nature pure delight.

With spangled music on the lyre
The universe's mask he moulds,
And on Taimir, the mingled heavens
Aries, the new-born Ram, beholds.

And from his fluffy fleece old cattle
Blow off the cold, at any cost,
And outside his big brother mammoth
They call from eternal permafrost.

But in this world all's not eternal,
Although it's tough as teak, I swear.
But by the Milky Way the mammoth
Hurries to meet the old Great Bear.

And in his limbs there's power abundant,
And in his eyes a goal gleams there.
With his long trunk he turns a planet,
Like a wound-up roundabout at the fair.

Long since in earth's formidable desert
He had gone deaf from serious things.
And dancing in the freezing ether
Are coloured passions' trembling wings.

1978

ПОЛЮС

Звезда Полярная в зените,
И сон седого льда глубок.
Здесь всех судеб нагие нити
Переплелись в один клубок.

Сошлись в одну судьбу. И зыбок
Лед лет, хранящий каждый след
Меридианов всех ошибок
Над параллелями побед.

И это есть Великий Полюс.
Как будто молния и гром,
Его охватывает пояс
Инфарктной трещины кругом.

Здесь сконцентрировано время,
Прочищенное в глотке вьюг.
Идет на ледяное темя
Палящий атомный утюг.

Ползет, ведом рукой умелой
По глыбам вздыбленного льда.
Бежит от этой бури белой
Медведь неведомо куда.

Но тайна остается тайной.
Встает на старые круги.
Ах жизнь! От гибели случайной
Себя и Землю сбереги.

Сведи людские души вместе
На Полюс истин букваря,

THE POLE

The Northern Pole star's at the zenith,
The hoary ice sleeps 'neath its pall.
Here naked threads of each one's fortune
Are tangled into one rough ball.

They make one fate. And though unstable
The ice of years each story tells
Of meridians of all our errors
Above our victories' parallels

And so, this is the great North Pole, then!
As if the lightning and thunder's sound
Have taken it about the waistline
With cardiac fissures all around.

Here lines of time are concentrated,
In the blizzard's jaws are purified
And hot on the ice's crown so hoary,
Atomic smoothing-iron, you slide!

It glides, by capable hands thus guided
Through massive cliffs of towering ice.
And from that white, o'erpowering snowstorm
The bear, not knowing where, just flies.

But mystery remains a mystery.
It rises on its old circles yet.
Ah Life! From sudden chance destruction
Yourself and our dear Earth protect.

Lead people's souls to come together
At the great Pole of words of truth,

Разумным миром ясной чести
Безумство храбрых одаря.

Прибавь забот иного свойства
На Завтра поросли иной
И добрый Полюс беспокойства
Поставь на Полюс ледяной

1978

And grant the sensible world of honour
The madness of courageous youth.

And add to care another feature
To Tomorrow's shoots another role –
With the kindly Pole of man's anxiety
Cover indifference's icy Pole.

1978

ALPHABETICAL INDEX OF TITLES AND FIRST LINES

Request to Readers

Progress Publishers would be glad to have your opinion of this book, its translation and design and any suggestions you may have for future publications.

Please send all your comments to 17, Zubovsky Boulevard, Moscow, USSR.

